

МАРИНА
БОЛДОВА

*Дружине
инюзий*

настоящий семейный роман

Остросюжетный семейный роман

Марина Болдова

В паутине иллюзий

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Болдова М. В.

В паутине иллюзий / М. В. Болдова — «Эксмо»,
2021 — (Остросюжетный семейный роман)

ISBN 978-5-04-116401-0

Может ли чужая тайна прошлого помешать твоему счастью сейчас, когда ты внезапно влюбилась как девчонка? Виктории Павловне Соловьевой совсем не хочется начинать новые отношения с обмана. Но как быть, если дорогой тебе человек принимает искреннее участие в судьбе девочки, жизнь которой много лет назад в корне изменил твой подлый поступок? Может быть, еще не поздно все исправить и сбросить с себя груз страха и раскаяния, мучивший много лет. И обрести наконец простое женское счастье...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116401-0

© Болдова М. В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	36
Глава 10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марина Болдова

В паутине иллюзий

Улочка была узкой, с односторонним движением, дома стояли почти вплотную друг к другу, разделенные лишь проездами. Это был один из районов старого города, где сохранились еще особняки купцов и именитых некогда горожан. Но и сюда добрались предприимчивые застройщики – большая часть зданий темнела заколоченными окнами: готовился снос или, в лучшем случае, масштабная реставрация. И лишь один особняк за кованой узорной оградой выглядел жилым. Мягкий свет пробивался сквозь портьеры окна первого этажа, над дверью на кронштейне висел яркий фонарь. Широкая лестница с крыльца выходила прямо на тротуар. Ворота не было, вход украшала лишь ажурная арка, возле которой минуту назад аккуратно припарковалась желтая машина городского такси.

Дверь подъезда особняка распахнулась, и на крыльцо вышла девушка. Одной рукой она крепко прижимала к себе переноску с ребенком. Через плечо другой был перекинут ремень небольшой дорожной сумки. Она осторожно спустилась по мокрым от дождя ступеням, открыла заднюю дверцу машины и оглянулась назад.

В это время милицейский «уазик», громко скрипнув тормозами, резко остановился рядом с таксомотором...

– Иди сюда! – Одна из женщин, прятаясь от осеннего ливня под крышей остановки общественного транспорта на противоположной стороне улицы, вдруг больно дернула подругу за руку, увлекая за павильон. – Тихо!

– Ничего ж не видно! – возмутилась было та.

– Дура! Не высовывайся! Знаешь, чей это особняк?! Бывшего мэра! Ох, что это???

Громкие хлопки не смог заглушить даже звук барабанившего по металлической крыше дождя.

– Пойдем! Вдруг там...

– С ума сошла! – Женщина с силой сжала руку подруги. Та затихла.

Через некоторое время во вновь наступившей тишине раздался стук захлопывающейся дверцы, следом шум отъезжающего автомобиля. Вскоре вдалеке стих и он.

Они подождали несколько минут, но со стороны дома не раздавалось ни звука.

– Такси на месте, значит, ждет кого-то. – Женщина осторожно выглянула из-за угла павильона. – Отсюда ничего не видно. Пошли!

– А... эти звуки? Что это было?

– Мало ли, дверь хлопнула... – В голосе слышалось сомнение.

Женщина обогнула павильон, посмотрела в обе стороны и поманила подругу.

– Милиция уехала. И чего мы переполошились? Мало ли кто к кому ездит...

– Как-то странно тихо, – настороженно ответила та.

Озираясь по сторонам, подруги быстро добежали до машины такси. Одна из них громко постучала по стеклу водительского окошка, но, не дождавшись ответа, потянула дверцу и тут же с визгом отскочила в сторону – из салона автомобиля боком выпал мужчина. Тут же рука подруги зажала ей рот, не давая возможности издать ни звука.

– С той стороны девушка и рядом мужик. У нее в центре лба дырка. Он, кажется, тоже того... а в руке пистолет!

– А-ааа... – попыталась опять закричать та.

– Тише ты! Давай, двигаем отсюда!

Но подруга, не слушая, вырвалась из ее цепких рук и обежала машину.

– Он жив... Вызывай «Скорую» и милицию!

– Милиция была уже, ты не поняла? Тихо! – Она прислушалась и вдруг рванула дверцу машины. На заднем сиденье стояла переноска, в ней, готовый зареветь в голос, попискивал ребенок.

– Этого только не хватало... – Она растерянно обернулась на подругу. Та решительно отодвинула ее в сторону, схватила переноску с ребенком и передала ей. Покосилась на дорожную сумку, но, не тронув ее, захлопнула дверцу машины.

– А теперь быстро на ту сторону. – Она кивнула на павильон, за которым они недавно прятались. – Давай ребенка!

Подруга молча подчинилась и, стараясь не отставать, двинулась вслед за ней. Они уже дошли до перекрестка, когда услышали позади звук быстро приближающегося автомобиля.

– Стой, не успеем. Видишь – тот «уазик», что стоял у дома. Милиция. – Женщина испуганно замерла на месте.

– Ну и зачем вам чужой ребенок? – Дверца притормозившей возле них машины открылась, и подруги увидели направленное на них оружие. – Живо залезайте! Обе!

Не глядя друг на друга, женщины подчинились...

* * *

Старик рукавом протер оконное стекло сторожки и прислушался. Из монотонного шума ливня четко выделялся посторонний звук – скрип деревянных ступеней. Затем раздался короткий стук в дверь. Он работал в доме малютки уже четверть века, знал, как звучит каждая доска не раз чиненного им собственноручно крыльца и хрустит гравий узкой дорожки. Подумав, что в такую погоду и темень по доброй воле и без острой надобности никто к нему не пойдет, накинул армейскую плащ-палатку и открыл дверь. «Господи, прости!» – перекрестился он, заметив метнувшуюся в кусты фигуру. Но тут же его внимание переключилось на светлое пятно под ногами. Это была детская переноска, в которой лежал тугой кулек из одеяла, перевязанный лентой. Нагнувшись, он вздрогнул от неожиданно раздавшегося писка. Схватив находку, пинком открыл дверь, поставил переноску на кровать и потянулся к телефонной трубке старого аппарата. Набирая по бумажке номер мобильного директора дома малютки, старик время от времени оглядывался на кровать. Ребенок не издавал ни звука. «Да что ж за девки-то такие! Рожают, бросают... совести никакой!» – возмутился вслух, докладывая начальству о находке. Положив трубку обратно на аппарат, он подошел к кровати и потянул за бантик. Осторожно раскрыв одеяльце, облегченно вздохнул: ребенок спал.

Страх – пустое. Нас учат потерять. Сила дается лишь тем, кто остается один. Тогда и страх уходит. А взамен – уверенность. Все будет так, как и должно быть. Одни приходят на смену другим. Всегда.

2018 год

Глава 1

– Тук-тук. – Голос был просящий, почти мольба. – Можно, а, Нюш?

Голова и плечи Кира протиснулись в щель приоткрытой двери, но высокий порог Нюшиной комнаты он не переступил.

– Заходи, Кир, – милостиво разрешила Нюша, быстро захлопывая крышку ноутбука. Никто, совсем никто не должен знать, чем она занимается.

– Что тебе?

– Опять прячешься... Там тебя зовут. Бабушка. К ней друг детства пришел, старикан лысый. Я его раньше несколько раз видел мельком.

– А я им зачем?

– Нюш, я откуда знаю? Идем, а? – Кир виновато потупился.

Нюша сунула ноги в пушистые шлепки, одернула свитер и походя бросила взгляд в зеркальную дверцу гардероба. «Страшная красота!» – подумала досадливо, отметив прыщик на подбородке, которого не было еще утром.

Кир бежал по лестнице впереди, перескакивая через ступеньку. У нее так не получалось – новые тапки скользили по полированному дереву кожаными подошвами, норовя слететь с ноги.

Затылок бабушки Аркадии Львовны с жиденьким пучком волос на самой макушке торчал из-за спинки кресла, замерев в своей неподвижности. Бабушка даже не повернулась на звук шагов внуков. Зато из кресла напротив ловко выпрыгнул круглый человечек ростом с гнома. Подскакивая и сладко улыбаясь, он двигался навстречу Нюше, не обращая никакого внимания на идущего рядом с ней Кира.

– Вот и наша девочка, – произнес он ласково, отчего Нюшу передернуло от отвращения. Фамильярности от незнакомцев она не терпела.

– Здравствуйте, – коротко поздоровалась она и отодвинулась от толстячка.

– Вот видишь, Карл! Что я тебе и говорила, – донеслось из глубины кресла, и Аркадия Львовна с нескрываемым презрением оглянулась на Нюшу.

– Ну, ничего, ничего... это мы поправим. – Толстячок обошел Нюшу со всех сторон. – Всего несколько занятий, и ты, Аркашенька, ее не узнаешь.

– Надеюсь, Карл, надеюсь. Сейчас и приступай. Ну а если у тебя не получится... – Она многозначительно хмыкнула и с презрением посмотрела на нее. – Анна, заниматься будете в гостиной, по два часа каждый день. В это время.

– Чем заниматься? Вы вообще кто? – грубо спросила Нюша, пятясь к лестнице.

– Карл Генрихович Брехт – психиатр. Специализируется на трудных подростках. Тебе необходимо с ним пообщаться, Анна. Ты стала невыносимо груба и нахальна.

– Смотря с кем, – буркнула Нюша, уже стоя на первой ступеньке. Кир тусовался рядом, испуганно заглядывая ей в лицо.

– Я не знал, Нюш... правда, не знал! Она сказала, что друг детства, про психов ни слова. Я б не позвал тогда тебя! – шептал он, икая от волнения.

– Успокойся. Дыши ровно, где ингалятор? – Нюше стало не до бабушки и ее друга-доктора. У Кира начинался приступ астмы, родители были в отъезде, а Аркадия Львовна в таких случаях – не помощник.

– В комнате, на полке с роботами. – Кир, со свистом выдыхая и вдыхая воздух, опустился на ступеньку.

Нюша, скинув тапки, метнулась вверх по лестнице, добежала до комнаты Кира, нашла ингалятор и почти скатилась вниз к брату. Лишь когда он задышал ровно, вспомнила про

бабушку и толстяка. Сквозь балясины лестницы она посмотрела вниз. В гостиной не было ни того, ни другого.

«Грымза старая! Внуку плохо, хоть бы подошла! Да еще этот, Айболит, блин», – зло подумала она, помогая встать Киру.

Осторожно двигаясь по ступенькам, поддерживая брата за плечи, Нюша довела его до своей комнаты и уложила в кровать. После приступа ему нужно было лежать минимум час. Пусть уж будет на глазах.

Через минуту Кир уже спал.

Подумать о странном визите доктора следовало. Но сейчас важнее не это. Нужно договориться о встрече с человеком. И как можно скорее. На этот раз все как-то серьезнее и похоже на правду. Прежние встречи не дали ничего, кроме злых слез и желания все бросить. Не искать, успокоиться, жить в этой семье, раз уж так получилось.

Глава 2

На бульваре было многолюдно, шумно и грязно. Пятничный по-летнему теплый октябрьский вечер выгнал на прогулку не только бабушек с крохами, но и компании подростков и парочки постарше. Все кафе-павильоны работали. На дверях, в прикрепленных скотчем файлах, висели листы с четкими черными надписями: «Спиртным не торгуем». Табличка эта на самом деле имела противоположный смысл – пьющий народ знал, что за любой из дверей нальют, дадут закуску и по возможности усадят за пластиковый столик. Патрулирующие полицейские делали вид, что верят этим бумажкам, местная пьянь шифровалась в ближних кустах во время их «рейда», деликатно проталкиваясь по одному в павильон, лишь только те скрывались из вида. Быстро заглотнув стопочку, забросив вдогонку кусок булки с колбасой, пьянь все так же тихо и почтительно покидала заведение, чтобы через некоторое время вернуться за добавкой. Кафе принадлежали одному предпринимателю средней руки – Арутюняну. Он ничего и никого не боялся: обосновался здесь давно, со времен землетрясения в родном Спитаке, получив квартиру в волжском городе как пострадавший. До прошедших два года назад выборов в городскую думу он жил спокойно, безбедно и уверенно глядя в будущее. С выборами пришла досадная помеха в виде депутата Федора Александровича Амелина, который рьяно взялся искоренять в городе общественное распитие спиртных напитков и начал именно с бульвара, на котором располагался пяток заведений Арутюняна. Дружинники из гражданских выходили по вечерам на контрольные закупки, снимали тайно видео потребления алкоголя, стыдили прилюдно продавцов. Бывало, даже добивались официальных штрафов. Через два года борьба окончилась полной победой Арутюняна – у Амелина нашлась масса других важных государственных дел. Арутюнян все ж соблюдал некую осторожность, которую как игру приняли и местные выпивохи, и районная полиция.

Нюша обо всем этом знала, можно сказать, из первых уст, так как жила в депутатской семье Амелиных, удочеривших ее по случаю, и дружила с приходящей к ним домработницей, бывшим учителем младших классов сельской школы Верой Антоновной. Вера Антоновна была целиком на стороне Федора Александровича, поддерживала его страстно и очень переживала, что тот не сумел искоренить это зло в городе. Нюша ей сочувствовала, зная, что несколько лет назад спился и умер ее муж, а теперь пропадал в пьяном угаре и единственный сын.

Нюша сама выбрала это место встречи на бульваре, рядом с детской площадкой, единственной на весь район. Пришла она загодя, осмотрев издали скамейку, на которой и должна будет ждать. Голос откликнувшейся на ее объявление женщины в телефонной трубке показался ей немного глуховатым или простуженным. Но речь была грамотной, а слова убедительными.

Нюша присела на столбик ограждения площадки, достала мобильный из рюкзака и переложила в карман куртки. Не выпуская из поля зрения скамейку, она вглядывалась в прохожих, пытаясь угадать ту, встречу с которой так ждала.

Время шло, а скамейка пустовала. Гомон с детской площадки отпугивал отдыхающих, пьяницы же, получив свою порцию в павильоне неподалеку, видимо, уходили туда, где рядом не было таких ярких фонарей.

И все же она ее пропустила. Маленькая, очень худая пожилая женщина, пошатываясь, добрела до скамьи и осторожно присела на край. Нюша тут же достала телефон и нажала вызов последнего номера, одновременно двигаясь в ее сторону. Женщина вдруг засуетилась, открыла сумку, выхватила мобильный и громко сказала: «Слушаю». Нюша быстро дошла до скамейки и присела рядом.

– Это мой звонок. Я Нюша Амелина. Что вы можете мне рассказать?

– Мария Сергеевна, – представилась женщина. – Ты принесла деньги?

Она подозрительно посмотрела на Ньюшу, словно не веря в ее платежеспособность.

– Конечно. – Ньюша достала из кармана пяти тысячную купюру. – Говорите!

– По профессии я медсестра, – начала Мария Сергеевна. – Но так сложилось, что работала в том роддоме, о котором ты писала в группе, лишь на выписке. Аллергия на медицинские препараты открылась, вот и перевели... В то время, о котором ты спрашиваешь, никто от детей не отказывался.

– Я это уже знаю! – с досадой перебила Ньюша.

– Да, конечно. Но был один случай, скажем так, необычный. Не помню точно число, но середина сентября, без сомнения. Мой сын уже недели две как ходил в школу. В первый класс.

– Ваш сын??? – Ньюша не сдержалась – женщина, с ее точки зрения, тянула скорее на бабушку, чем на мать пусть уже и взрослого сына.

– Что, старо выгляжу? Нет, я не пьющая, не бойся. Мне всего сорок. Рак у меня, недавно из клиники после химии.

– Простите...

– Да ничего, привыкла уже! – усмехнулась та невесело. – Так вот, молодая женщина выписывалась с ребенком одна, ее никто не встречал. С девочкой: та была слабенькой, худенькой. Было похоже, будто женщина сбегает из роддома раньше времени – обычно таких деток оставляли до набора нужного веса. Но, видимо, была договоренность о выписке – документы на ребенка и роженицу оказались в порядке. Решив, не мое это дело – вмешиваться, я помогла запеленать ребенка, вышла за женщиной на крыльцо, поднеся сумку с вещами. Перед подъездом ждала машина – такси. Обычное городское, с шашечками. Похоже было, вызвала она его сама. Поблагодарила меня за помощь и, уже усаживаясь, вдруг оглянулась назад. На большой скорости к роддому подъехал джип «Чероки». Белоснежный, огромный. Я хорошо разбиралась в марках машин – сынок мой собирал модели.

– Фамилию девушки вы запомнили?

– Иванова. Людмила Иванова. Вот отчество не помню. – Мария Сергеевна отвела взгляд.

– А сколько ей лет было? Не посмотрели? Ну а на вид?

– Очень молодая. Чуть за двадцать.

– Я на нее похожа? – неожиданно для себя выпалила Ньюша.

Женщина внимательно на нее посмотрела.

– Нет, точно нет. Прости, но она была красавица. Не обижайся, у тебя есть своя изюминка. Но та была красива, как ангел. Даже без косметики.

Ньюша сникла.

– Что дальше было?

– Из джипа, с водительского сиденья, вылез мужчина лет сорока, быстро подошел к ней, что-то сказал... – Женщина на миг задумалась.

– Они уехали вместе?

– А? Да, он заплатил таксисту и усадил ее с ребенком в свою машину.

– Тогда я ничего не понимаю... Они уехали, и... все? – Ньюша почему-то ждала продолжения.

– Не все. На следующее утро в конце моего дежурства, я сменялась с суток, появился в роддоме странный человечек – роста невысокого, полноватый и какой-то суетливый. Совал мне деньги, расспрашивал о девушке, кто встречал ее, на какой машине уехала. Объяснил, что мать беспокоится о ней и ребенке.

– Вы рассказали правду?

– Да. Даже пожалела, что номер машины не посмотрела. Он сообщил, что девушка связалась с плохим человеком. Я тогда почему-то решила, что на джипе бандит какой-то приезжал за ней. Откуда такая дорогая машина у порядочного человека?

– Он назвал имя этой девушки?

– Да. Иванова Людмила. Поэтому я и рассказала ему, что знала.

– Адрес в документах был? Где-то она жила... не запомнили?

– Частично. Деревня какая-то в нашей области. Название не помню. А улица – Колхозная. Сама всю жизнь прожила здесь, в городе, на Колхозной, что за рынком. Вот и запомнила. Номер дома – двадцать два, как и у меня. Все, девочка. Больше ничего не знаю, – вдруг заторопилась Мария Сергеевна.

– Возьмите деньги. – Нюша протянула ей купюру.

– Спасибо. Ты не думай обо мне плохо. Мне эти деньги нужны очень – на памятник собираю. Сына в прошлом году в армии убили. Я не работаю, родственников нет никого. Хочу успеть памятник поставить. – Женщина тяжело поднялась со скамейки.

– Вас проводить? – Нюше до слез стало ее жаль.

– Не нужно, Нюша, спасибо. Здесь недалеко. В старом городе все близко. Вон, за углом и роддом тот, и дом малютки, – махнула она рукой.

– И рядом мой детский дом, – тихо добавила Нюша.

– Ты сходи в роддом еще раз. Бумажный архив сгорел в пожаре. Но часть его уже тогда в компьютер перенесли. Я знаю точно – сама этим и занималась в последнее время перед увольнением.

– Я была там. – Нюша вздохнула. – Мне ничего не дают, официальный запрос нужен. А приемных родителей просить не могу. До свидания, спасибо. Здоровья вам!

– Спасибо, девочка. – Женщина медленно пошла прочь.

«И опять пусто! Ну какое отношение имеет ко мне вся эта история? Не похожа я на ту красавицу, уродка я! Никому не нужная уродка!» – Нюше хотелось плакать. Вспомнив до кучи Аркадию Львовну, ее дружка – подросткового психиатра, приступ Кира, не сданную сегодня вовремя контрольную по геометрии – гарантированно будет трояк, Нюша всхлипнула. Домой идти не хотелось, но было уже прохладно от потянувшего с Волги ветерка. «Кир один, с бабкой. Вера Антоновна уже ушла», – вспомнила она и поднялась со скамейки. Идти было пять минут, но в гору, по разбитым каменным ступеням. Город она не любила, считая обшарпанные стены старых домов убожеством. Но архитектурную красоту Москвы и Питера ей приходилось рассматривать лишь в интернете. Мечтам попасть туда не предавалась – жизнь в детском доме научила не загадывать далеко, а довольствоваться днем идущим.

Глава 3

Открыла дверь Нюша своим ключом. И сразу же наткнулась на ненавидящий взгляд Аркадии Львовны. Решив, что быстро прошмыгнуть мимо не получится, она слегка кивнула, приветствуя бабуку. Переобуться в тапки было делом нескольких секунд, но Нюша растянула это действие на подольше, медленно расшнуровывая кроссовки и надеясь, что Аркадия Львовна уйдет. Но та терпеливо поджидала Нюшу. «Ну, сейчас опять начнется...» – с тоской подумала Нюша, выпрямляясь в полный рост.

– Что? – решила она атаковать грубостью только лишь для того, чтобы в очередной словесной битве первый удар был ее.

– Ничего, Анна, нового! Начну с вопроса – где ты была?

– У подруги, – соврала Нюша равнодушно – начало «битвы» было стандартным, вопрос выбран из списка заранее заготовленных.

– Врешь. Опять врешь.

– Ну, вру. Какая вам разница?

– Ты же прекрасно запомнила, я даже не сомневаюсь в этом, что в девятнадцать ноль-ноль у тебя занятия с Карлом Генриховичем. Вчера вам помешал очередной досадный приступ у брата. – Она брезгливо поморщилась. – Но сегодня? Очень занятой человек, известный врач, целый час дожидается какую-то соплившую девчонку, чтобы помочь ей! Заметь, Анна, делает он это лишь из хорошего ко мне расположения!

– После очередного, как вы заметили, досадного приступа ваш внук мог умереть, – разозлилась Нюша.

– Не уводи тему! Кирилл – слабый, избалованный отцом ребенок. Мальчика нужно было закалять с раннего детства, а не кутать в тридцать три шубы! Впрочем, пустой разговор. Так что? Будешь добровольно заниматься с врачом?

– Нет!

– Хорошо. Ты сказала, я услышала. Тебе же хуже. Амелин с Маргаритой вернутся через неделю, сейчас ты и Кирилл на моем попечении, и мне решать, что с вами делать!

Аркадия Львовна, отвернувшись от Нюши, двинулась по коридору к своей комнате.

Нюша напряглась. Мысленно прокручивая всевозможные варианты дальнейших действий бабуки, выбрала наихудший – та запрет ее дома. В школу их с Киром возит охранник Вован, который, несмотря на угрожающую внешность, страшно боится Аркадию Львовну. От него не сбежишь. Ну а дома в качестве надзирателя та выступит сама. Попала...

Кира дома она уже не застала – по вечерам он занимался тренировкой дыхания в клинике.

Нюша поднялась в свою комнату, по пути захватив с кухни несколько пирожков, испеченных Верой Антоновной, и стакан гранатового сока. Есть хотелось страшно, как и всегда после пережитого волнения. Реально понимая, что в ее возрасте каждая плюшка и пирожок откладывают в бока свои неправильные жиры, она следила за своей фигурой все же не так ревностно, как ее одноклассницы. Разговоры о диетах, косметологах, салонах красоты, фитнесе и мальчиках не смолкали во время перемен ни на минуту. Участия в них Нюша не принимала, но внимательно слушала, что обсуждают, чтобы только быть в курсе. Возможно, когда-то... Но сейчас ее волнует лишь одно – поиски.

...Только один человек знал, что она ищет свою биологическую мать – ее приемный дед Саня. Именно он подарил ей эту волшебную возможность – рыться в интернете без посторонних глаз в собственном ноутбуке. Намеки, пока деликатные, прозвучали еще до отъезда родителей на отдых на Нюшином дне рождения. Уже в четвертый раз в ее жизни накрывали стол и созывали гостей персонально для нее, а не для всех сентябрьских именинников, как было заведено в детском доме. Только ей несли подарки, и даже Аркадия Львовна покупала Нюше

что-нибудь в ближайшем супермаркете – коробку зефира или мармелада в шоколаде. Как-то отложились в ее памяти однажды высказанная Ньюшей любовь именно к этим сладостям.

Все это считалось семейным праздником, посторонних не звали, не приветствовались и подруги из класса, не говоря уж о детдомовских. Со стороны приходили только родители отца – дед Саня и его жена. Не признаваясь даже себе, что ждет одного деда, Ньюша благодарила за подарки всех одинаково сердечно и вполне искренне. Но чувствовала она какое-то щемящее душу родство именно с ним.

И в этот раз единичные тосты в ее честь очень быстро перешли в общий шум голосов. Аркадия Львовна, подвыпив, начала громко пенять зятю, что тот загубил жизнь дочери и ничемно воспитал внука. Отец пытался делать вид, что соглашается, подливая теще коньяк чаще, чем другим. Видимо, надеялся, что та быстрее дойдет до нужной стадии неадекватности и удалится к себе. Мама Марго с женой деда Ланой уселись за противоположный от Аркадии Львовны конец стола, чтобы спокойно пообщаться. Кир жался поближе к Ньюше. Она видела, ему совсем было не до взрослых разговоров, впрочем, ее они тоже интересовали мало.

Спустя некоторое время Ньюша, спросив разрешения уйти в гости к подруге, оставила семейство Улицких – Амелиных праздновать Ньюшин же четырнадцатый день рождения без именинницы. Семейство, уже привыкшее к ее «неотесанности и отсутствию воспитания» (цитата бабушки Аркадии Львовны), даже не нашло причин, чтобы ее остановить. Минутная пауза, немой вопрос в глазах мамы Марго, равнодушный кивок отца, тоскливо-завистливые глаза Кира и затылок Аркадии Львовны – последнее, что Ньюша уловила, отворачиваясь от праздничного стола. За спиной почти сразу же забулькало вино по бокалам, застучали вилки, и голос отца коротко констатировал: «А теперь – тост!»

Самого тоста Ньюша уже не слышала, быстро поднимаясь по лестнице на второй этаж.

Час прошел в любимом ею одиночестве, в темной комнате, освещенной лишь сумрачной луной и включенным экраном ноутбука. А потом дверь резко открылась – дед Саня, единственный, кто свято верил ей, даже когда она врала без страха быть пойманной, стоял на пороге, удивленно глядя на яркий монитор. Он, видимо, тоже уставший от застольной болтовни родственников, решил скрыться в ее комнате. Поэтому, открывая без стука дверь «девичьей», никак не думал, что Ньюша там – она же ушла к подруге!

Ньюша, от неожиданности не сразу захлопнув крышку компа, поняла – по быстро прочитанным дедом словам: «Поиск. Люди. И фамилия...» он мог сделать только один вывод – она, Ньюша, продолжает искать. А ведь обещала. Именно ему, что не будет больше! Просто чтобы не расстраиваться от очередного разочарования и бесполезных встреч с чужими людьми.

Дед смотрел на нее с упреком и жалостью. Взгляд, который она прощала только ему и никому больше. Упреки раздражали, а жалость бесила. Ньюша считала, что большинство людей по-настоящему жалеть не умеют, скрывая свою неловкость за вынужденное признание чужой беды фальшивой гримасой якобы сочувствия. А по большому счету им нет никакого дела до этой, только твоей, беды.

Дед Саня жалел по-настоящему. Даже казалось, она чувствует, как болит его сердце, когда посылает ее. И душа у него плачет, когда Ньюше плохо. И одинок он так же, хотя и женат на талантливой пианистке Лане, молодой женщине из маленького села, где у Амелиных уже много лет пустует срубленный дом, окна которого смотрят на темный лес. Дом, из которого в никуда ушли его первая жена Люба и ее сестра Надя, оставив ему годовалого сына Федора и Надину пятилетнюю дочь Светлану...

Покашляв, дед спросил: «Ну как?» – «Еще трое, – ответила она, пряча глаза. – Эти – последние». – «Ну-ну», – он как бы поверил ей и на этот раз, переведя разговор на тему именин. Сообщив, что там, за столом, все уже хороши, скоро по домам, поинтересовался списком подарков. Список в этом году был коротким: все родственники скинулись на новый лыжный комбинезон и ботинки. Без дежурного шоколада от Аркадии Львовны. Вторым пунктом стоял

футляр для очков от Кира, который тот приобрел на свои личные карманные рубли. Ньюша, не без гордости за брата, продемонстрировала его деду. Тот одобрительно кивнул, достал из кармана маленькую коробочку, протянул ей. «Надеждино кольцо. Пусть у тебя будет. Ланке не надо, выкинуть хотела – зла на мать, считает, что та ее бросила. Сохрани, пожалуйста. У моей Любаши такое же было. Им обеим отец на шестнадцатилетие подарил. Только Любаша его никогда не снимала. С ним и пропала... теперь уж не узнать куда! – Враз сгорбившись, он пошел к выходу. – До свидания, Аннушка», – обернулся в дверях, на прощание махнув рукой.

Аннушкой из всего этого неродного ей семейства называл ее лишь дед Саня. К ней неплохо относились, даже баловали первый год после детского дома, откуда привезли после спонтанно принятого решения об удочерении взросленькой уже девочки. Документы на нее оформили очень быстро. Да и кто ж мог бы отказать самому Федору Амелину, депутату и благодетелю, регулярно дарившему подарки сиротскому дому. То, что она попала к ним в семью, Ньюша считала своей заслугой... ну и везением немного.

Четыре года назад перед новогодними праздниками Федор и Маргарита Амелины с семилетним сыном Кириллом приехали одаривать кулечками конфет сирот из их детдома. К этому событию были подготовлены самостоятельный концерт и простенькие поделки благодетелям «на память». Ньюша умела лишь прилично вязать спицами носки и варежки, украшая их помпонами из обрезков искусственного меха. Носки на мужскую ногу она связала, измерив стопу сторожа, женские – нянечки, а вот мальчику – на глаз, ориентируясь на детдомовских первоклашек. Они получились толстые, немного большего размера, чем рассчитала. Но вручить их так и не удалось. К середине торжественной части обнаружилась пропажа... мальчика. Кинулись искать его всем гуртом, включая обеспокоенных родителей и ротозея-охранника. Вот тут Ньюше повезло – увидев в закутке коридора широкую напряженную спину Семушкина (уже в двенадцать лет «бандита», по единому мнению всех воспитателей и учителей), сбившихся в кружок рядом мелких его подхалимов, она мигом поняла, что тяжело дышащий комочек в центре – сын депутата Амелина, носочки которому она так старательно вязала. В ней тотчас проснулись здоровая злость и всегдашняя тяга к справедливости. С хорошего разбега Ньюша сделала подсечку Семушкину, пнула ближайшего мелкого, схватила за руку младшего Амелина и, крикнув: «Беги быстро!» – толкнула его в сторону лестничного пролета. Поднявшийся с пола Семушкин уже надвигался на нее всей своей массой, матерясь и сжимая кулачищи, когда вдруг резко остановился и притих. Ньюша обернулась – за ее спиной стоял охранник и водитель Амелиных, человек-гора с квадратной челюстью и злыми глазками. Семушкин метнулся в сторону, но попал как раз в широко расставленные его ручищи и вновь затих. Дальше шли благодарности от родителей, вручение им и спасенному сыну носочков, умиление на лицах директрисы и воспитателей. И ее, Ньюшины, слова вдруг: «Возьмите меня к себе! Я за Киром присматривать буду... А то он у вас такой – жизни совсем не знает!»

Взяли. Даже удочерили. И стала она Анной Федоровной Амелиной. Мама Маргарита (Марго для домашних) была к ней добра, Федор Александрович иногда трепал по голове, вроде как по-отцовски. Кир ее обожал. И только бывшая милицмейская полковница Аркадия Львовна Улицкая, мать Марго, была недовольна «приблудой», как в открытую называла Ньюшу, заявляя, что у нее гены алкашки или малолетней дуры, поддавшейся соблазнам взрослой жизни.

Да, Ньюша была подкидышем. Детскую переноску с кульком из тепленького одеяльца внутри нашел сторож дома малютки на крыльце сторожки. Никаких документов или записочек, как Ньюше было известно, в кулечке не было. Только синюшное тельце. Ей потом рассказывали, что скорый консилиум из милицмейского участкового, срочно вызванной директрисы и того же сторожа постановил – не жилец младенец! А она выжила, вот таким образом впервые обманув ожидания взрослых. В дальнейшем привычка делать не то, что от нее ждут, стала ее натурой.

Нюша старалась с Аркадией Львовной не сталкиваться, благо квартира была в два этажа. Бабка жила на первом, Нюша с Киром имели соседние комнаты на втором. Напротив, через коридор – спальня родителей.

Первый год в новой семье прошел в осторожном взаимном недоверии. Нюше часто дарили подарки, чаще полезные – в виде лишней футболки или кед. Иногда казалось, мама Марго жалеет о появившейся вдруг у нее такой взрослой дочери. Но, наблюдая за ее отношением к родному сыну Кириллу, Нюша очень скоро поняла, что дети ту интересуют в последнюю очередь. Маргарита Улицкая еще до рождения ребенка добилась признания среди местных художников необычностью написанных ею картин. Нюша, впервые попав к ней в мастерскую, остолбенела в прямом смысле слова. Замерев на пороге залитой солнцем студии в мансарде многоэтажки, она взглядом зацепилась за один из рисунков на подрамнике, да так и стояла, пытаясь разгадать загадку. В том, что картины Марго – не просто рисунки, а имеют какой-то конкретный, зашифрованный смысл, она уверилась сразу. Переплетение разноцветных цифр, геометрических фигур, линий, даже отдельных слов и предметов, созвездий и математических символов... смущало. Оглянувшись на Марго, прочтя удовлетворение на ее лице, Нюша почувствовала прилив родственных чувств к чужой до этого мгновения женщине. Видимо, чувство это получилось взаимным – неожиданно та обняла ее за плечи и повела к расставленным на мольбертах рисункам. Завороженно рассматривая их все по очереди, Нюша изредка оборачивалась на Марго, безмолвно ожидая от нее подтверждения своих догадок. Та кивала и улыбалась. Так, не произнеся ни слова, они прошли вдоль всей галереи.

В единственном темном закутке за простой ширмой уместились маленький овальный столик, кресло и пуф. Марго достала из шкатулки колоду карт, села в кресло, указав Нюше на пуфик.

– Это карты Таро. Никогда не трогай их просто так. Сейчас вытяни три и дай их мне. Не переборачивая. – Марго пристально смотрела ей в глаза.

Нюша достала три карты. Марго веером разложила их перед собой. Произнесла: «Так я и думала. Ну и хорошо. Случайностей не бывает», – она собрала колоду и убрала обратно в шкатулку. Еще с минуту молча рассматривала Нюшу. Нюша ни о чем не спрашивала, интуитивно понимая, что та скажет лишь то, что она сможет понять.

– Да... очень похожа... как же я раньше не замечала? – задумчиво произнесла наконец Марго. – Учи математику, девочка. Это главное для тебя. И астрономию. – Тон Марго показался Нюше немного торжественным.

– И кем я тогда стану?

– Почему же станешь? Ты уже есть. Тебе просто не хватает знания некоторых земных наук. Я уже сказала, каких именно. Всему свое время, Нюша. Не торопись. Свернешь с предназначенного пути, мало не покажется. Я пока буду рядом. Но это ненадолго. Разбираться со своей жизнью тебе придется самостоятельно. И ты справишься, запомни! Что бы ни случилось – справишься... – Марго встала с кресла и вышла из-за ширмы.

Нюше тогда стало не по себе от этих спокойно сказанных слов.

– Пойдем домой. Работать я сегодня уже не буду. Да теперь и незачем, – донеслось из-за ширмы, и Нюша встала с пуфа. Ноги не слушались, она покачнулась и ойкнула. – Ох как я тебя напугала! А ты не бойся ничего. Никогда не бойся, особенно чужих слов. Страх – пустое. Впрочем, ты поймешь это сама и довольно скоро. Нас учат потерями. Сила дается только тем, кто остается один. Тогда и страх уходит. А взамен – уверенность. Все будет так, как и должно быть. Одни приходят на смену другим. Всегда. Просто запомни это. А сейчас пойдем, Нюша. Кира пора с тренировки забирать. Привязалась к мальчишке? – Марго весело улыбнулась. Нюша согласно кивнула. – Я очень этому рада. Видишь, какая-то я мать несуразная. Совсем не умею общаться с детьми. А Киру нужна забота. С тобой ему будет легче. – Марго уже открыла дверь мастерской, жестом указывая Нюше на выход.

Молча они ехали в лифте, молча же сели в машину, думая каждая о своем. Позже, оставшись одна в своей комнате, Нюша попыталась проанализировать весь тот день, вспоминая не только каждое слово, но и каждый жест Марго. Смутное ощущение, что это очень важно – помнить самые мелкие подробности, не покидало еще долго. Казалось, теперь между ней и приемной мамой начались какие-то особые, тайные, не афишируемые другим отношения. Она еще долго ждала, что Марго пригласит ее в свою мастерскую, покажет новые картины, а потом усадит на пуф за ширмой. И будет говорить ей слова, пусть загадочные, но предназначенные только ей, Нюше. Но Марго продолжала жить своей отдельной жизнью, одинаково равнодушно-ласково улыбаясь всем домочадцам, включая мужа. Скоро Нюша поняла, что обрела не семью в традиционном понимании этого слова, а некое сообщество неплохих людей, мирно существующих в одном доме. Исключением была Аркадия Львовна, которая нарушала идиллию вспышками злобы и приступами самодурства. Но и в этих случаях конфликты гасились на корню – объект ее внимания быстро скрывался за дверями своего убежища, оставляя ее злобствовать в одиночестве...

Как-то так прошли уже почти четыре года в доме Амелиных. Нюше четырнадцать. Она вполне довольна своим личным пространством, то есть небольшой и уютной комнатой, ненавязчивыми приемными родителями, хорошей школой и новыми друзьями. Она очень любит Кира, по-своему жалея его, такого болезненного и слишком, с ее точки зрения, умного. У нее есть родная душа – дед Саня. И у нее есть цель – найти биологических родителей. Правда, имеется и досадная помеха в этой почти идеальной жизни – домашний жандарм Аркадия Львовна Улицкая...

Нюша прислушалась. Осторожно приоткрыв дверь комнаты, выскользнула в коридор. Снизу доносился мужской голос. «Кого еще принесло?» – успела подумать она, как внизу что-то упало. Что-то большое и тяжелое. Не думая, Нюша рванула к лестнице. На последней ступеньке первого пролета притормозила и через перила посмотрела вниз.

В холле на полу лежала Аркадия Львовна. Широкая спина склонившегося над ней мужчины закрывала верхнюю часть ее туловища. Нюше видны были только раскинутые в стороны ноги, обутые в домашние тапочки.

Глава 4

Присев на корточки, Ньюша отодвинулась от перил и замерла, прислушиваясь к звукам, доносившимся с первого этажа. Вначале быстрые мужские шаги затихли где-то в районе кухни, и тут же звук цокающих по ламинату каблучков вернулся в холл. Далее послышался звук булькающей воды. Раздавшийся следом возглас Аркадии Львовны разом успокоил ее. Ньюша вскочила и быстро спустилась по лестнице.

– Здрасьте, – совсем не вежливо буркнула она мужчине, который совсем не милосердно хлопал по щекам лежавшую на полу пожилую женщину.

– Здравствуй, девочка. – Мужчина развел руками, в одной из которых был зажат пустой стакан. – Вот, опять в обмороке... я не хотел.

– А что вы хотели? – опять буркнула Ньюша, опускаясь на колени рядом с Аркадией Львовной и дотрагиваясь до ее плеча. Откуда-то была уверенность, что с той ничего такого страшного не происходит. Мужчину она не боялась.

– Это твоя бабушка? – Мужчина подозрительно посмотрел на Ньюшу, словно сомневаясь в законности ее присутствия в доме.

– Можно и так сказать. Я приемная дочь Амелиных. Что случилось-то?

Он не ответил. Вдвоем они помогли пришедшей в себя Аркадии Львовне дойти до кресла.

– Я ухажу. Вы сами скажете внучке? – Мужчина кивнул на Ньюшу.

– Идите.

Ньюша смотрела на посеревшее лицо Аркадии Львовны. Та молчала.

«Потеря, потеря», – прозвучало колоколом в голове Ньюши, и вслед за этим неизвестно кому принадлежавшим голосом она будто перенеслась на дорогу, по обеим сторонам которой темнела чаща леса. Как на экране, трейлер на огромной скорости буквально снес в кювет легковушку. Соскользнув с мокрой травы, машина, словно игрушечная, перевернулась несколько раз с колес на крышу и замерла, уткнувшись боком в дерево. «Кровь, кровь, много крови... твоя кровь...» – монотонно повторял все тот же голос.

– Заткнись!!!! – громко крикнула Ньюша и в бессилии топнула ногой.

– С ума сошла? – Аркадия Львовна равнодушно посмотрела на Ньюшу.

– Они живы?

– Нет! Я потеряла дочь. У меня больше нет ни одной дочери. – Голос Аркадии Львовны звучал все громче. – Он угробил ее! Чертов Амелин! Нет! Это не он... а... почему ты спросила, живы ли? Знаешь, что беда... Откуда ты можешь это знать???

Ньюша опасливо отошла от кресла, заметив злой взгляд старухи.

– Это ты! Зачем? Ну зачем они притащили тебя в нашу семью??? За тобой смерть идет... Ты ж ведьма! Я знаю о тебе все! Разговаривала с вашей директрисой, она тебя боится! И правильно... знаю, ты все подстроила! И уголовник этот по твоей же указке издевался над Киром. И ты якобы спасла его! Все продумала, все учла! Маргоша, девочка моя... как она могла тебе отказать? Ты ее убила! Где ты, там беда! Знаешь, что сегодня еще произошло? – Аркадия Львовна нервно хохотнула. – Недавно звонил Карл – он сломал ногу! Теперь он не сможет приходить к нам! Ты же этого хотела?! – Голос Аркадии Львовны сорвался на крик.

Ньюша интуитивно молчала, понимая, что нужно дать старухе выговориться.

– И с кем я теперь осталась? Одна... никого вокруг... Еще Кир теперь на мне. Слабый, никчемный, весь в своего отца. Ха! И отца у него теперь нет. Сирота он... я сирота... ты, во всем ты виновата... приبلуда... – Аркадия Львовна перешла на шепот.

Ньюша не сразу поняла, что с ней что-то не так. Лишь когда голова старухи резко склонилась на плечо, быстро подошла к креслу. Аркадия Львовна дышала тяжело и прерывисто,

глядя перед собой широко раскрытыми глазами. Нюша уже набирала номер «Скорой», как открылась дверь, вошел Кир, а за ним охранник.

Позже, откачивая Кира от очередного приступа, отвечая на вопросы Вована и вызванной срочно Веры Антоновны, бессмысленно замирая перед дверью спальни приемных родителей, прислушиваясь – а вдруг какие-то звуки, вдруг они там, Нюша прокручивала в голове сказанное в порыве злости Аркадией Львовной. Понимая, что доля правды есть, она пыталась найти оправдание этой самой доли.

...Не совсем четкие воспоминания глубокого детства, начиная примерно с пятилетнего возраста, выделяли ее из массы детдомовских детей, в большинстве своем так и не привыкших к жизни без родителей. Настоящих сирот, как она, было мало. Дети изымались из семей алкашей и наркоманов, битые и голодные. Но, не зная другой жизни, трудно привыкали к новой.

Нюша жалела каждого. Чем старше становилась, тем чаще бросалась на защиту слабых. Ее побаивались, она чувствовала это. Особенно после первой стычки с тупым наглым Семушкиным. Тогда ей было всего девять. Заметив, как этот переросток избивает новенького пацана в закутке под лестницей, Нюша бросилась к нему. Как всегда, вокруг драки кучковались мелкота и несколько старших, довольно равнодушно взиравших на буйство Семушкина. Нюша схватила его за рукав куртки и рывком развернула лицом к себе. Дальше ее сознание как бы отключилось. Очнувшись, по возникшей тишине и расступившимся враз наблюдателям Нюша поняла, что произошло что-то из ряда вон. Первое, что заметила, была ее правая рука, державшая за грудки Семушкина. Рука была вытянута вверх. Нюша опустила взгляд ниже и увидела его ноги, висящие в воздухе. Семушкин был прижат ею к стене и поднят над полом. Нюша с изумлением оглянулась на зрителей и разжала кулак. Семушкин сполз по стене и с грохотом упал на колени. Расходились молча, лишь пострадавший от неведомо откуда взявшейся у Нюши силы глухо матерился. Она знала только имя спасенного мальчика – Ваня. После инцидента тот находился в изоляторе их детского дома еще несколько дней. Затем его забрали родственники, оформившие опеку. Семушкин с тех пор ее сторонился, при ней никого не бил, но затаенную им злобу она чувствовала при случайных встречах в коридорах детского дома. Были и еще мелкие происшествия, как то: картина в тяжелой раме, упавшая на голову обидчице-училке; лопнувшая у директора на столе лампа в момент, когда та отчитывала Нюшу; сломанный указательный палец физрука, которым тот незадолго до того, подгоняя, больно ткнул ее в спину. Нюша не раз задумывалась: кто тот невидимый благодетель, помогавший ей наказывать обидчиков? В Бога не верила. Не убедил ее и батюшка, регулярно приходивший из местного храма к детям. Слушая его наставления, она понимала, что этот седовласый старик на ее вопросы не ответит. Поэтому ни о чем и не спрашивала. Их встречи в кабинете директрисы проходили регулярно, видимо, по просьбе самой Виктории Павловны. Но Нюша, спокойно выслушав батюшку, согласно кивала, молча вставала и уходила. Однажды, задержавшись у неплотно прикрытой двери, услышала приговор себе. Батюшка суровым голосом пенял Виктории Павловне, что та не приводит Нюшу в храм.

– Девочка одержима. Ей нужна помощь, крестить нужно, отчитывать. Беда может стать!

– Что ж она, ведьма, по-вашему?

– Ведьма и есть, прости меня, господи, – произнес батюшка и, как догадалась Нюша, перекрестился.

Нюша тогда даже не расстроилась. Просто стала отмечать каждый факт таких своих побед, по большей части справедливых, сделав для себя вывод: помогают, значит, «там» так решили. Где это «там», представляла смутно, но голова ее невольно задиралась вверх, к небесам, к неведомому миру звезд и планет...

Голос «слышать» она стала много позже. Один раз испугавшись, быстро привыкла и к нему, и к возникающим попутно вполне реальным картинкам...

Вторая крупная стычка с Семушкиным случилась в тот предновогодний день, когда к ним приехали Амелины. И перевернула всю ее жизнь...

Глядя на спящего после приступа Кира, Ньюша вдруг вспомнила слова, сказанные ей Марго в мастерской: «Я пока буду рядом. Но это ненадолго».

«Выходит, она знала, что умрет! Как же так? А как я буду жить дальше? А Кир?» – озадачилась она вопросом.

– Можно? Я стучать не стал, Кир, наверное, у тебя спит? – Дед Саня тихо вошел в комнату и присел на край кровати.

– Спит. Дед, что с нами будет дальше? Я, понятно, в детдом вернусь. А Кира куда? Ты возьмешь его к себе?

– Я решу этот вопрос, Аннушка. Опекун над вами обоими мы с Ланой попытаемся оформить. Шансы, вероятно, есть.

– Ты хочешь забрать и меня? – Ньюша даже не задумывалась о такой возможности. – Я же вам совсем никто! Ну ладно ты, а Лана? Мы же с ней... не разговаривали ни разу! За четыре года! Ей я зачем?

– Ну, во-первых, она мне жена. И поверь, к тебе относится так же, как к Кириллу.

– То есть никак! Впрочем, это лучше, чем ненависть Аркадии Львовны.

– Лучше, да. – Дед даже поморщился, видимо, вспомнив мать невестки. – Лана – очень увлеченный человек. Музыка – единственная ее страсть, театр – дом родной. А в нашу с ней квартиру она приходит... репетировать.

– А ты? Ты для нее кто?

– А я для нее – муж. Ну хватит, Ньюша. Тема не для обсуждения. Я о другом хочу спросить. Ты встречалась с той женщиной, что обещала тебе рассказать о роддоме?

– Да. Но, наверное, опять информация не для меня. Я совсем не похожа на ту роженицу, о которой она говорила. Думаю, очередной облом.

– Что конкретно она тебе сказала?

– Ну, типа при выписке этой женщины с ребенком какой-то мужик на джипе подъехал, их забрал. А на следующий день еще один пришел в роддом и расспрашивал о ней. Конечно, какая-то здесь хрень...

– Ньюша!

– Ну, пусть ерунда. Если он ее увез, то куда? Где ребенок?

– Логично подумать, с матерью и этим, предполагаемым отцом. Что такого необычного ей показалось, что она решила тебе рассказать об этом эпизоде?

– На следующий день про эту женщину, ее имя – Людмила Иванова, спрашивал какой-то мужчина, назвавшийся другом семьи. То есть ее мать не в курсе, куда подевалась дочь с младенцем.

– И все? Нет, тут что-то не сходится... ситуация притянута за уши, какое отношение все это может иметь к тебе?

– Вот и я говорю...

– Или твой информатор знает больше, чем рассказала. Адрес из документов она сообщила?

– Село какое-то. Не помнит она названия. А улица Колхозная, дом двадцать два. Мария Сергеевна живет здесь, в городе, по такому же адресу. Думаешь, стоит дальше искать? – Ньюша с сомнением, но и надеждой посмотрела на деда.

– Проверить все нужно. Напиши мне адрес на листке, – попросил тот.

– Она еще посоветовала в роддом сходить попросить архив. Но мне ж не дают ничего! А тебе дадут?

– Как ты сказала, имя этой женщины?

– Мария Сергеевна. Фамилию я не спрашивала.

– А кем она работала в роддоме, тоже не спросила? Она сейчас там же?

– Была медсестрой. Сейчас она больна раком, не до работы. Видел бы – старше тебя выглядит! Жалко ее, сын еще в армии погиб. Я пять тысяч твоих отдала, она на памятник ему собирает. Успеть хочет... – Нюша неожиданно расплакалась.

Плакать она не умела. То есть навзрыд, как все дети. Нюше вдруг становилось как-то холодно внутри, она замирала, а из глаз катились крупные слезы. Чаще злые, за нанесенную, в основном взрослыми, обиду. Когда не могла ответить тем же. Иногда она плакала от жалости к кому-то, часто-часто моргая влажными веками. Вот как сейчас...

– Аннушка, успокойся, детка. Я сделаю что смогу. В роддом схожу, думаю, мне медицинскую карту этой роженицы найдут. Ты родилась семнадцатого сентября...

– Да, но это день, когда меня нашли.

– Вот как? Тогда день твоего рождения предположительно десятое-четырнадцатое. Имея еще адрес, указанный в медкарте, можно попытаться найти и саму молодую женщину.

– Ты думаешь, она и есть моя мать? Но я же на нее не похожа!

– Ну, во-первых, Мария Сергеевна могла и ошибиться. Во-вторых, ты можешь быть похожа на отца, что, кстати, для девочек не редкость! Я только одного не пойму. Директор вашего детского дома что, совсем не пыталась найти твоих родителей?

– Виктория Павловна? Говорит, искала. Запросы посылала. Неудачно. – Нюша невольно хмыкнула, вспомнив, как та, глядя на нее с лживой жалостью, нервно перебирала бумажки в тонкой папочке ее личного дела. Нюша успела заметить, где была эта папочка – в открытом тогда железном шкафу на полке, среди плотно стоящих таких же белых картонных папок, зияла прореха. «Словно зуба нет», – почему-то подумалось Нюше. Виктория Павловна при ней поставила папку на место, закрыла дверцы, щелкнула висячим замком. Через несколько дней, глубокой ночью, Нюша, вскрыв этот замок простой шпилькой, достала папку. Открыв ее, обомлела – листочков оказалось два. И никаких ответов ни на какие запросы...

– Понятно. Похоже, не было никаких поисков. Тогда начнем сначала. А к Марии Сергеевне я съезжу. Или нет. Поедем вместе. Даже если ничего не выясним, хотя бы попытаемся ей помочь.

– Ты дашь ей денег на памятник сыну?

– Это само собой. А еще нужно ее показать моему другу-онкологу. Вдруг есть шанс?

– Спасибо! – Нюша уже с улыбкой посмотрела на деда. Тот ласково улыбнулся в ответ.

Нюша подумала, что уже в который раз откладывает главный разговор с ним. О Марго, картинах и загадочных словах, сказанных той за ширмой в мастерской. Словах-предсказаниях, одно из которых уже сбылось. И ей, Нюше, от этого очень страшно.

Глава 5

– Темните, Виктория Павловна... С чего бы? – Александр Михайлович Амелин смотрел на директрису детского дома с легким недоумением. Ее категоричный отказ выдать ему на руки личное дело Ньюши по требованию председателя опекунского совета выглядел странно. – Виктория Павловна, мотивируйте, пожалуйста, ваше нежелание помочь мне в оформлении опеки над Анной Амелиной. – Он нарочно говорил с ней официально и с прохладцей в голосе.

– Пожалуйста. Папка с личным делом Анны пропала. – Директор детдома сделала жест рукой в сторону металлического стеллажа.

Виктория уже почти не сомневалась, что ее взяла Руфина. Но не пойман – не вор. Открыто обвинять подругу пока не собиралась. Зная скрытый характер Руфины, умение замкнуться надолго в немом недоверии, холодную отстраненность на недели, а то и дольше, Виктория больше не поднимала тему пропажи. Она ждала. Содержимое папки не могло принести никакой практической пользы ее обладателю. Сведения о появлении в доме малытки Ньюши были известны каждому сотруднику детского дома. Все, что касалось здоровья воспитанников, умственного и физического развития, учебы, активности, отмечалось педагогами и врачами в документах по их профилю. Сама Виктория Павловна, имея диплом психолога, в случаях усыновления или оформления опеки составляла лишь общие заключения.

– Виктория Павловна, вы заявили об этом в полицию?

– Этого еще не хватало, – грубо отрезала Вика и зло посмотрела на неродного деда Ньюши. – Просто дайте мне время, и я выясню, кто из сотрудников и зачем взял эту папку. Ничего криминального в ней нет. Ребенок был подброшен неизвестным лицом на крыльцо сторожки. Сторож ее и нашел. При девочке не было ни документов, ни других вещей. Оформили ее как Анну Борисовну Королеву, дав отчество и фамилию сторожа. С его согласия.

– С ним можно поговорить?

– Он давно умер. И зачем это вам? Как будущему опекуну? – безразлично пожала плечами Виктория Павловна, внутренне насторожившись. Ох не хотелось ей, чтоб в этой истории кто-то копался! Тем более этот... названный дед!

– Это нужно не мне. Аннушка ищет своих биологических родителей. Вы, Виктория Павловна, даже не пытались их найти? Так?

– Ну, почему не пыталась? Запрашивала роддом...

– Это неправда, Виктория Павловна!

– Ну хорошо. Не искала я родителей Ньюши. – Вика решила не отпираться. – Вы подумайте – зачем? Официально этим должна была заниматься милиция в то время, как девочку нашли. Они и занимались. Но сами понимаете, у них таких дел по розыску довольно много. Мать, заметьте, сама бросила ребенка. И десять лет до усыновления Анны вашим сыном не объявлялась. Знаете, какое количество матерей приходит за своими отказничками в течение первого же года их жизни? Немалое, я вам скажу. И мы стараемся им помочь вернуть ребенка. Мать Анны ее просто забыла.

– А вы уверены, что ребенка принесла к дому малытки она сама? Возможно, его похитили и подбросили. Возможно, с ней что-то случилось?

– Да бросьте, Александр Михайлович! Видимо, вы любитель детективов. В жизни все проще. – Виктории Павловне стали уже надоедать этот разговор и сам въедливый посетитель. – Извините, но у меня масса дел. Я обещаю позвонить вам, как только найдется папка с личным делом Анны. Вы с женой пока собирайте документы для опеки, проходите медицинскую комиссию. Это займет много времени, скажу вам по опыту. И еще. Просто совет педагога – отговорите Анну от поисков матери. Ее не ждет ничего, кроме боли и разочарования. Это реальность.

– Хорошо, Виктория Павловна. Я буду ждать от вас звонка. Да! Анна уже достаточно взрослый человек, чтобы самостоятельно принимать решения. Отговаривать ее бесполезно, она будет продолжать поиски. Кстати, есть результаты. – Александр Михайлович бросил короткий взгляд на директрису. «Так и есть, темнит Виктория Павловна... побледнела даже. Дело, конечно, давнее, но живых свидетелей этой истории поискать можно!» – решил он.

– До свидания, Александр Михайлович, – произнесла Виктория, поднимаясь со стула и отходя к окну.

– Всего хорошего. – Амелин уже повернулся к двери. – И последний вопрос: кто-то еще присутствовал при оформлении девочки? Из ваших сотрудников? Или, возможно, участковый милиционер?

Он с удивлением наблюдал, как меняется выражение лица директрисы. От равнодушной маски не осталось и следа, явный испуг, даже некая затравленность промелькнули во взгляде, брошенном женщиной на него. «Ну, ответьте же что-нибудь внятное!» – мысленно попросил Амелин. Ему на миг стало ее жаль – при иных обстоятельствах он не был бы с ней так безжалостно официален. Он даже признался себе, что Виктория Павловна, кроме этой внезапной жалости, вызывает в нем и другие чувства. Правда, задумываться, какие именно, времени не было...

– Да, конечно. Мы вызвали милицию, так положено. Приходил сотрудник райотдела. Но я не помню его фамилии! – Виктория Павловна медленно опустилась обратно на стул.

– Установить это не так сложно. Я этим займусь. Или в папке с личным делом Анны есть его фамилия и звание?

– Есть, конечно. Но папки нет! – отрезала она, видимо, окончательно приходя в себя.

– Советую вам, Виктория Павловна, все же ускорить поиски этих документов. Следующий визит будет уже не мой, а официальных органов, – мягко, но с угрозой произнес Амелин. – До свидания.

Амелин был зол на себя. Потому как не мог найти оправдания своей резкости. Да что уж там, напористому хамству по отношению к этой женщине. И самое главное, не мог объяснить раздражение, которое та в нем вызывала.

Он шел по коридору детского дома и удивлялся тишине. В его понимании там, где жили дети, шум и движуха, как выражалась молодежь, должны были быть всегда. Спускаясь на первый этаж по широкой старинной лестнице, он заметил быстро скрывающуюся за массивной дверью женщину. Что-то знакомое показалось ему в мелькнувшей фигуре, широкие ли плечи или полное отсутствие даже намека на талию. Он видел эту спину совсем недавно, понял сразу. «Спина» удалялась от подъезда его дома. Удалялась очень быстро. Женщина даже два раза споткнулась, торопясь и нервно оглядываясь. Ее лица в эти мгновения он не рассмотрел. Не понял и почему сам долго не заходил в подъезд, придерживая ногой открытую дверь. Словно ждал, что женщина одумается и вернется. Позже удивился: из-за чего решил, что приходила именно к нему в квартиру? И забыл о ней, только зайдя домой. Ланы не было. Подумав тогда, что они уже давно отдалились друг от друга, порой встречаясь только в общей пока постели, он быстро проглотил разогретый ужин, открыл ноутбук и погрузился в работу. На следующий день открывалась новая экспозиция в его галерее...

До сегодняшнего дня этот эпизод в памяти не возникал.

Амелин вышел из здания и направился к своей машине, которую оставил за воротами территории детского дома. На лобовом стекле, под щеткой, белел листок бумаги. «Мне нужно с вами встретиться. Это важно для Анны. Мой телефон...» – прочел он мелкий почерк. «Похоже на продолжение странной встречи. Я позвоню, конечно, но позже», – подумал, вырывая со двора на проезжую часть улицы. Он решил не откладывать визит в полицию. «Свяжусь с

Бориным¹. Через него добыть информацию получится гораздо быстрее», – решил Александр Михайлович, сворачивая в переулок, где располагалось здание Следственного комитета. При тормозив у шлагбаума, набрал на мобильном номер Борина.

– Леонид Иванович, приветствую! Амелин беспокоит. Нужна ваша помощь. Я у въезда, на машине. Хорошо, жду. Спасибо.

Поднимаясь по лестнице, он вспомнил свое знакомство с тогда еще молодым следователем Бориным. Более тридцати лет назад, когда ушли из дома и не вернулись его жена Люба и ее сестра Надежда, Борин прибыл из города расследовать их исчезновение. Он добился возбуждения уголовного дела, обнаружив на крыльце старого домика лесничего кровь. Экспертиза показала, что та же группа крови была у Надежды. Он повторно прочесал весь окрестный бор, попросив помощи у своего друга – командира полка. Но тогдашнее начальство Борина приказало дело закрыть, руководствуясь пошлой фразой «нет тела – нет дела»...

– Проходите, Александр Михайлович, присаживайтесь. Соболезную вам в потере сына и невестки. Чем могу помочь?

– Спасибо. Я к вам с просьбой. Четыре года назад мой сын удочерил девочку из детского дома – Анну Королеву. Ей сейчас четырнадцать. Девочка – подкидыш, без документов, отказных писем, и мать за эти годы никак себя не проявила. Я решил оформить опеку над ней и своим родным внуком Кириллом.

– Какие-то сложности?

– Пока нет, только начал собирать документы. Дело немного в другом. Анна активно ищет биологическую мать. Пока практически без результата. Вот решил ей помочь, хотя и считаю эти поиски неразумными. Сейчас я еду из детского дома – пытался получить личное дело Анны на руки. Выяснилась одна странность – оно пропало. И директор дома Виктория Павловна Соловьева, как мне показалось, совсем не хочет, чтобы папка с документами оказалась у меня. На мои вопросы о появлении девочки у них отвечает уклончиво, что-то недоговаривает. Уже уходя, я задал вопрос, кто еще присутствовал при оформлении ребенка. Например, сотрудник райотдела милиции. Тут уж она откровенно испугалась, заявив, что не помнит его имени. Леонид Иванович, сможете мне помочь быстро узнать, кто был в том районе участковым в две тысячи четвертом году? Собственно, за этим я и пришел.

– Не вопрос. – Борин уже набирал номер на мобильном. – Костя, зайди.

Пока Борин отдавал распоряжения своему сотруднику, Александр Михайлович рассматривал кабинет. «Ничего лишнего, ничего личного. Стол, стулья, сейф и шкаф. И фикус в кадке», – констатировал он.

– Почему вы не спрашиваете об аварии? – Борин пристально посмотрел на отца погибшего депутата.

– А что-то неясно? Авария не была случайной?

– Нет, Александр Михайлович. Ваш сын не справился с управлением на скользкой дороге, это так. Произошло столкновение с большегрузом. Но экспертиза обнаружила в его крови снотворное. В больших количествах. Он просто заснул за рулем.

– А у жены? У Маргариты? – Амелин ошеломленно смотрел на следователя.

– Да, у нее тоже. На этом основании возбуждено уголовное дело. Сами понимаете, ваш сын был депутатом городской думы. И обладал очень неоднозначным характером. Часто ездил без охраны, водителя, тем самым подставляя себя под удар.

– Да говорил я ему! Особенно после его конфликта с Арутюняном!

– Да, в курсе. Сейчас продолжается прокурорская проверка по депутатскому запросу вашего сына. Пока не могу сказать даже о промежуточных результатах.

---

¹ Герой романов: «Рубины для пяти сестер», «Любимые женщины клана Крестовских», «Трудные леди школы Бауман», «Тайна родной крови». – *Здесь и далее прим. ред.*

– Понимаю.

– Позже вас еще вызовут на беседу к нам. Будьте к этому готовы. Да, Костя, нашел? – переключил Борин свое внимание на вошедшего сотрудника. – Спасибо. Вот, Александр Михайлович, фамилия участкового Городцов. Сергей Петрович. В том же две тысячи четвертом переведен в Москву с повышением в звании и должности. До две тысячи двенадцатого – начальник отдела по розыску пропавших без вести районного отделения полиции. Далее и по сей день – начальник этого же райотдела. Женат, трое детей. Что вы собираетесь предпринять дальше?

– Пока не знаю. Да! Нашел под щеткой на лобовом стекле. – Амелин-старший достал из кармана куртки записку и протянул Борину. – Почему-то кажется, это имеет отношение к истории появления Анны в детском доме.

– Не исключаю. Видимо, кроме самой Виктории Павловны, участкового и сторожа в курсе был еще кто-то. Тут и телефон. Связаться с этим человеком не будет лишним. Возможно, тогда пропадет необходимость встречаться с Городцовым.

– Наверное. Сегодня же позвоню. Спасибо, Леонид Иванович, за помощь.

– Обращайтесь. – Борин пожал ему руку и протянул подписанный пропуск.

Уже в машине, набирая номер, указанный в записке, Амелин вдруг понял, что Борин ни словом не обмолвился о том давнем деле об исчезновении двух сестер. Это случилось впервые за все их встречи. Ему вдруг стало невыносимо больно, что он не сможет больше ни с кем поговорить о любимой женщине. О женщине, забыть которую так и не смог.

Глава 6

Виктория Павловна с досадой отодвинула от себя кипу папок. «Как сквозь землю!» – подумала она и взяла со стола мобильный.

– Руфина, зайди, – резко приказала она и отключилась, не дожидаясь ответа. Церемониться с подругой она не привыкла – подчиненное положение завхоза та приняла с первого дня работы в детском доме.

Крепкая, по-мужски плечистая и высокая, Руфина вошла в кабинет, задев плечом дверной косяк.

– Дверь закрой.

– У меня там бардак полный! Стоило уехать на неделю! Случилось что?

– Подождет твой бардак. Присядь. Помнишь Ньюшу, подкидыша?

– Могла б не спрашивать. – Руфина отвела взгляд, усаживаясь на край стула.

– Да не комплексуй ты! Все мы тогда правильно сделали! Я не об этом. Ты папку с ее делом не брала? – Виктория Павловна в упор смотрела на подругу.

– На кой она мне? Да что случилось-то?

– Нет папки. Все обыскала!

– Зачем она тебе понадобилась?

– Представь, будущий ее опекун приходил. Амелин-старший. Он интересовался личным делом Ньюши.

– Какой еще опекун?

– Ты хоть в курсе, что Амелин с женой погибли?

– Как?!

– Авария. С утра зашла б ко мне – знала бы! – упрекнула Виктория Павловна.

– Да меня сразу девки наши в дела втянули, потом продукты пришли, думала, после обеда заскочу. Вот. – Руфина вынула из кармана халата небольшую коробочку. – Это тебе от Софки. Ее последняя работа, единственный экземпляр. Она сейчас почти не занимается стеклом, малыш все время отнимает. Ну и карлик этот ее, Эмилио. Впрочем, муж и отец он нормальный!

Руфина усмехнулась.

– Только ростом не вышел, теще по плечо, – ответила на усмешку подруги Виктория Павловна, рассматривая фигурку лягушки из цветного стекла, которую достала из коробочки. – Ох хороша жабка! Все ж Софка твоя – талант!

– Не пойму только, в кого. Родные мать с отцом – пропойцы, дед с бабкой как в кино – свинарка и пастух!

– А Софа назло предкам в Италии, с любящим мужем, в достатке и радости. Твоя заслуга. Вот Ньюше повезло меньше. С самого рождения одни несчастья. Теперь и приемных родителей потеряла. Ладно. Мне папка с ее делом очень нужна. Понять не могу, куда засунула? Если не брал никто? – Виктория Павловна опять в упор посмотрела на Руфину.

– И не смотри так на меня! Не брала! Мне позора того раза хватило! Пошла у тебя на поводу, до сих пор каюсь. У тебя все? Мне некогда. – Руфина грузно поднялась со стула.

– Ладно, не обижайся. Вечером домой зайдешь? Мишки не будет, он на вахте, отбыл вчера. – Виктория Павловна знала, что Руфина на дух не выносит ее мужа.

– Придется! Подарок-то мой сюда не потащу, не надейся, – уже спокойно сказала Руфина, открывая дверь кабинета. – Только пиццу не заказывай, уже тошнит от нее. Я вино принесу, коллекционное белое сухое. Эмилио для тебя выбирал в своем погребе, цени!

– Поняла, закажу закуску в ресторане, – рассмеялась Виктория Павловна.

«Похоже, все же Руфина взяла и выкручивается. Странно, зачем? В ней нет ничего такого!» – Виктория Павловна искренне не могла найти причину. Все, что могло бы заинтересовать подругу, она хранила дома: крестик и медкарта роженицы лежали в обувных коробках в гардеробной. Совесть проснулась? Или тут что-то другое? Нужны деньги? Вроде не бедствует, все, что Софка присылала, откладывала. На поездку в Италию ни рубля не заняла. Квартиру выкупила еще в прошлом году. С банком расплатилась полностью, это точно.

Загадки Виктория Павловна не любила. Обладая характером властным, не терпела неизвестности и ускользнувших от ее внимания ситуаций. Порой просыпалась среди ночи, обдумывая нерешенную задачу, мучилась, пытаясь заснуть снова, принимала сильное снотворное и лишь с его помощью проваливалась в глубокий сон. А утром не слышала звонка будильника. Если бы не муж, просыпавшийся в силу привычки всегда рано, Виктория Павловна частенько опаздывала бы на службу.

...Странная, как считали все, кто их знал, дружба двух очень разных девочек, Виктории Соловьевой и Руфины Грассо, началась в пятом классе. Приехавшие из столицы мать и дочь Грассо поселились в генеральском доме, что само по себе давало определенный статус. Вещи им разгружали солдаты, но никакого мужчины в генеральском чине, кто бы мог назваться мужем Марии Грассо, офицерские жены не наблюдали. Перезваниваясь друг с другом в надежде узнать хоть что-то о новых жильцах, давно сплотившийся женский коллектив решил – пытаться вечером вернувшихся со службы мужей до полного прояснения ситуации. На следующий день, поняв, что информации опять нет, самая старшая из всех, генеральская вдова Нинель Яковлевна Петренко, решительно звонила в дверь новой соседке. Вид открывшей ей в одиннадцать утра заспанной женщины, явно разбуженной ее настойчивым трезвоном, привел гостью в шок – офицерские жены вставали рано, готовили мужьям завтрак, провожали на службу. Таков порядок. Спать почти до полудня считалось... невозможным. Вежливо пожелав доброго утра, не подав даже виду, что она в недоумении, Нинель Яковлевна извинилась за раннее вторжение и развернулась, чтобы уйти. Ее остановила рука, легко коснувшаяся плеча. Мелодичным голосом новая соседка попросила ее остаться. Если Нинель Яковлевну не смущает ее «неприбранный» вид и полный «раскардаш» в квартире. Нинель Яковлевна уверила, что ничуть. Пробираясь по коридору среди узлов и коробок, поддерживая за полу шелковый пеньюар, Мария Грассо изредка оглядывалась на вдову, как бы приглашая ту за собой. Нинель Яковлевна в силу возраста и грузной фигуры двигалась не так быстро и легко. Это маленькое путешествие по захламленной квартире закончилось на кухне, где Нинель Яковлевна с облегчением опустилась на венский стул. Мария уже доставала из коробки на окне турку и банку с кофе. Мед в фарфоровой чашке, печенье и конфеты на тарелочке, сахарница уже нашли свое место на овальном столе, занимающем большую часть немаленького помещения. Пока хозяйка молча варила кофе, разливала его по чашкам, Нинель Яковлевна цепким взглядом подмечала даже незначительные детали. А они удивляли. Даже настораживали. Явно антикварный буфет, его же ровесник обеденный стол, кружевная скатерть тонкой ручной вязки, небрежное, почти кошунственное отношение хозяйки к изящному немецкому фарфору наводили на мысль, что Мария Грассо живет в этой роскоши повседневно, используя вещи по назначению, а не выставляя исключительно для гостей. Мария предложила к кофе сливки и мороженое, но Нинель Яковлевна отказалась. В ароматных тонкостях напитка она не разбиралась, предпочитая красnodарский чай, простой и понятный, расфасованный и упакованный в родном крае, откуда увез много-много лет назад ее, молодую казачку, новоиспеченный муж-лейтенант.

Разговор не клеился, вопросов у вдовы было много, главный, о муже, она задать не решалась. Выпив кофе, аккуратно поставив чашку на блюдо, Нинель Яковлевна решила, что пора уходить. В этот момент где-то в другом конце коридора скрипнула дверь. «Дочь проснулась», – улыбнулась Мария и тут же кинулась к холодильнику. Дальнейшие ее действия напоминали хорошо отработанные движения танцовщицы – поворот, маленькая кастрюлька уже на плите,

свист чайника и тугая струя кипятка льется в приготовленную заранее чашку, еще поворот – горячая жидкая каша в тарелке, несколько грациозных движений руками – на подносе, на льняной салфетке волшебным образом разместился завтрак.

Нинель Яковлевна замороженно следила за хозяйкой и упустила тот момент, когда пришла девочка. Вежливо поздоровавшись, она приняла из рук матери поднос, но уходить не собиралась.

– Познакомьтесь, моя дочь Руфи, Руфина. А... – Она замялась. Нинель Яковлевна только в этот момент поняла, что так и не назвала свое имя.

– Я – Нинель Яковлевна Петренко, ваша соседка из квартиры напротив, детка, – сообщила она девочке.

– Очень приятно. – Руфи вопросительно посмотрела на мать, та кивнула, и девочка ушла.

Нинель Яковлевна не смогла скрыть изумления, Руфина ничуть не напоминала мать. Роста она была высокого, статью напоминала скорее саму Нинель Яковлевну, а низкий голос мог бы принадлежать взрослому парню. Мария, словно прочтя ее мысли и в очередной раз из-за реакции людей пожалев дочь, сообщила просто: внешностью она в отца, и у нее диабет. Изумление Нинель Яковлевны сменилось искренним сочувствием – имея аналогичную болячку, она как никто понимала сложности простого быта девочки.

Уже дома, припоминая подробности дальнейшего разговора с соседкой, Нинель Яковлевна пришла к выводу, что так ничего о ней и не узнала, зато о себе и соседях выложила все. Не имея рядом ни детей, ни внуков (сын с семьей жил на Дальнем Востоке), вдова прониклась заботой о «двух девочках», которые, как она для себя решила, были совсем не приспособлены к жизни в провинциальном городе. Обладавшая не таким мягким и добрым характером, ее подруга из второго подъезда, Ольга Ивановна, трезво оценивая благосостояние совсем не бедствующих «девочек», советовала не налегать на помощь – в благодарность столичных дамочек не верила, будучи не раз обиженной своей московской невесткой. Нинель Яковлевна лишь отмахивалась. Присматривая за Руфи, особенно по вечерам, когда та оставалась дома одна (Мария служила в театре гримером), вдова однажды с удивлением обнаружила, что к ней часто приходит одна и та же девочка. Все бы ничего, но что-то женщине, посматривающей в дверной глазок на входную дверь соседей, в ней не нравилось. То ли внешний ее потрепанный вид, то ли то, что она все время оглядывалась по сторонам, прежде чем зайти в квартиру, то ли очень позднее время визитов. Однажды, выдержав паузу в два десятка минут после ее прихода, Нинель Яковлевна, наложив в тарелку домашнего несладкого печенья, решительно позвонила в дверной звонок. Открыла немного смутившаяся Руфи. Впустив соседку в квартиру, девочка, однако, явно не собиралась приглашать ее пройти дальше. Но генеральская вдова отступить не собиралась и напрямик направилась на кухню. Картина, представшая ее взору, не понравилась сразу: на подоконнике, болтая ногами, сидела девочка и что-то жевала. Опять же, все бы ничего, но на девочке была пижама Руфи! Буркнув: «Здрасьте», – девица соскочила с подоконника, протиснулась мимо вдовы к двери и вышла из кухни.

– Что ЭТО было? – возмущенно спросила Нинель Яковлевна у совсем смутившейся Руфины.

– Моя школьная подруга Вика. Мама разрешила ее приглашать, – тихо ответила та.

– Хорошо. Но почему на ней твоя пижама? Она что, остается у тебя на ночь? Это мама тоже разрешила? – Нинель Яковлевна была уверена как раз в обратном.

Руфина отрицательно помотала головой:

– Вы только не говорите маме, пожалуйста! Я не могу ее выгнать. Дома у Вики проблемы. У родителей пьяные гости, она боится, – быстро проговорила девочка, понизив голос почти до шепота.

– Но мама же придет после двенадцати из театра! И сама ее увидит! – Нинель Яковлевна решила до конца прояснить ситуацию.

– Мама приходит только утром. У нее работа такая, – покраснела вдруг Руфина.

Нинель Яковлевна растерялась. Она всегда была уверена, что Мария возвращается домой после вечернего спектакля. Сама вдова ложилась в десять, вставала рано, с утра привыкла сначала переделать все домашние дела, чтобы к полудню освободить время для просмотра сериалов. Следить, когда ее соседка возвращается домой, ей в голову не приходило. «А что я о ней знаю? – впервые задумалась она, и в груди ее неприятно екнуло. – Быть может, Ольга и права? Я лезу со своей помощью, а нуждается ли в ней Мария? И откуда у нее деньги на жизнь? Грумер в театре зарабатывает копейки. Никакой генеральской пенсии она не получает. А в расходах не стесняется. И я до сих пор не знаю, почему ей дали квартиру в нашем доме? А тут еще эта девица...» После этих размышлений пришло решение обсудить все эти вопросы напрямую с Марией.

Попрощавшись с девочкой, наказав закрыться на все замки, Нинель Яковлевна вернулась к себе. Во время ежевечернего моциона по набережной они с Ольгой Ивановной обсуждали, что им делать дальше с тайнами, что привнесла в их скучную жизнь «столичная штучка». Ольга предложила начать «с вешалки» – в оперном театре гардеробщицей работала ее знакомая, дама с богемным прошлым, большая любительница собирать сплетни и толки. Посетовав, что не догадалась обратиться к ней раньше, Ольга Ивановна высказала еще одну вполне вменяемую мысль. «Тут пахнет мужчиной. Очень состоятельным мужчиной! Это бы объяснило все: и безбедную жизнь, и ночное отсутствие дома», – утвердительно и резко высказалась она, прощаясь с подругой у подъезда.

Утром, открыв глаза, как всегда, в шесть ноль-ноль, Нинель Яковлевна вдруг настороженно прислушалась. В соседскую дверь настойчиво стучали. Накинув халат, Нинель Яковлевна поспешила в коридор. В глазок она увидела мужскую спину, обтянутую форменной милицейской курткой. Распахнув свою дверь, она вышла на лестничную площадку.

Дальше все происходило как в любимых сериалах: толпа сотрудников милиции, сообщение о найденном теле молодой женщины, ничего не понимающая в происходящем Руфина, суетсяящиеся без толку соседи, вопросы следователя, ее, Нинель Яковлевны, ответы. Чуть позже две женщины в штатском попросили собрать личные вещи девочки. Вручив им сумку, она проводила их с Руфиной до милицкого «уазика». Первое, что увидела Нинель Яковлевна, вернувшись в свой подъезд, была опечатанная дверь соседей.

Еще очень долго Нинель Яковлевну преследовал полный отчаяния и какого-то животного страха прощальный взгляд девочки. Она никогда ее больше не видела, попав в тот же день в больницу с сердечным приступом. Прилетевшая из Владивостока ухаживать за свекровью невестка передала ей твердый наказ сына – как только будет возможность, перевезти мать к ним. В день отъезда ее провожала Ольга Ивановна, обещавшая подружке присматривать за квартирой. На все вопросы о Руфине она лишь пожимала плечами.

– Что с девочкой станет, Оля? – беспокойно спрашивала Нинель Яковлевна.

– Не думай об этом, Нинуша. Тебе сейчас нужно волноваться лишь о своем здоровье. Если что-то станет известно, я напишу тебе.

Ольга Ивановна покривила душой, не рассказав подружке правду. Она уже знала, что Руфину Грассо отправили в детский дом в Подмоскowie. Родственников, пожелавших откликнуться на ее беду и забрать девочку к себе, так и не нашлось... Виктория Павловна закрыла кабинет и спустилась на первый этаж. Вмешиваться в хозяйственные дела Руфины не собиралась – подружка была фанатично аккуратна. До сегодняшнего дня она доверяла ей полностью. Если та взяла документы на девочку, то есть выкрала их, значит, задумала то, что никак не понравится ей, Вике. Руфина врать не умела. То, что в этот раз так упорно пыталась скрыть факт кражи, могло означать одно – она готова выдать их общую тайну. И Виктория Павловна догадывалась, кому именно.

Глава 7

Виктория Павловна извлекала из большой коробки доставленную из ближайшего ресторана закуску. Лоточки с сырной нарезкой, креветки в кислом соусе, икра, запеченная утка, чесночный хлеб. Орешки, крупный изюм, клюквенный морс. И фирменные пирожные из диетической кондитерской. Она подумала, что давно уже не баловала подругу деликатесами. Не то чтоб сама Руфина не могла себе позволить купить баночку икры или сладости, но Виктории Павловне казалось, что она таким образом отдает ей, Руфе, долг детства: та метала на стол из домашнего холодильника все самое вкусное для голодной Вики, заходившей к ней в гости.

Виктория Павловна расставила закуски на кухонном столе, перелила морс в хрустальный графин, а пирожные, начиненные нежным сливочным кремом, убрала в холодильник. Ждать прихода подруги оставалось семь минут – Руфина была точной до тошноты, с детства вызывая в Вике какую-то смесь зависти и недоумения.

...Вика росла в семье, где беспорядок в головах и жилище считался нормой, а самой большой бедой было отсутствие алкогольного попойки. Мать Вики иногда, случись трезвый день по отсутствию денег, кидалась отмывать кухонную утварь или мести пол. Запала хватало ненадолго, степень ее раздражения росла с каждым движением тряпки или веника, а если под руку попадалась Вика, начинался скандал. Тут нужно было вовремя смыться из дома. Вике это удавалось легко, их каморка располагалась на первом, точнее, на нулевом этаже с окнами в землю. Она забегала в свою комнату, закрывалась на щеколду, открывала окно и выбиралась наружу. До появления в ее жизни Руфины бежать, собственно, ей было не к кому. В классе с самого первого дня ее признали изгоем, да это было понятно – школа, можно сказать, элитная, дети партийцев и крупных торговых работников часто просто высиживали хорошие оценки, не особенно стараясь чему-либо научиться. Вика же с малых лет понимала, что стать не такой, как мать (технички в этой же школе), она может, лишь если будет учиться лучше всех! Учителя, в большинстве своем пришедшие в педагогику по призванию, старались ей помочь. Но заработанные пятерки никак не сближали ее с одноклассниками.

В пятом классе к ним пришла Руфина Грассо. Почему учителя с первого дня обращались с ней как с хрустальной вазой, точно Виктория Павловна не знает до сих пор. Причины такого их поведения не ведает и сама Руфина. Они обе долго приписывали это болезни Руфины, диабету. Но подслушанный Викой случайно под дверью учительской разговор отменил и это. Их классная обсуждала с директрисой личную жизнь матери Руфины. Произнесенное несколько раз опасно и многозначительно местоимение «он» навело Вика на мысль, что речь идет об отце Руфины. Расспрашивая подругу о нем, Вика удивилась – та прекрасно помнила своего отца, по происхождению итальянца. Родители со смехом рассказывали ей о своем знакомстве. Отец был актером итальянской труппы, приехавшей в Москву на гастроли. Он с первого взгляда влюбился в молодую гримершу Марию Жуковскую и, неожиданно для всей многочисленной итальянской родни и сослуживцев, остался жить в Москве. Родня от него отвернулась, родители Марии его не приняли. Жили молодые в коммуналке, счастливо, но недолго. Полюбившаяся нестойкому к алкоголю итальянцу русская водка быстро превратила веселого актера в неопределенную безработную личность. Он умер в больнице, отравившись алкогольным суррогатом. Руфа рассказывала Вике, что после похорон отца у них с матерью, как ни странно, улучшилось и качество жизни. Из коммуналки они переехали в огромную квартиру на Кутузовском проспекте, Руфа пошла в первый класс в местную школу. Мама по-прежнему служила в театре гримером за небольшое жалованье, но в холодильнике всегда были черная икра и любимая Руфиной буженина, а в кухонном буфете лежали красочные пакетики с иностранными буквами на них. В отсутствие матери (часто Мария возвращалась домой под утро) за Руфиной присматривала соседка, оставаясь ночевать на диване в гостиной. Она же утром

проводила ее в школу, тихо защелкивая входную дверь, чтобы не разбудить только что заснувшую маму...

Виктория Павловна уже в который раз подумала, что слишком много нераскрытых тайн вокруг подруги и ее погибшей матери. И самое странное, что Руфина и не стремится их разгадать.

Услышав трель дверного звонка, Виктория Павловна поспешила в коридор. Легкий поцелуй в щеку, вручение красочного пакета, бутылки вина, перемена уличных туфель на мягкие тапки заняли у Руфины считанные минуты. Пока подруга тщательно мыла руки в ванной комнате, Виктория Павловна открыла пакет и достала из него коробку с подарком. Сорвав упаковочные ленточки, она открыла ее и ахнула. Вдруг рассмеявшись в голос, она стала вынимать одну вещицу за другой и прикладывать их к своей фигуре. За этим занятием ее и застала Руфина.

– Что, не угодила? – Она подмигнула подруге, разворачивая ее к зеркальной дверце посудной горки-пенала.

– Ну, Руфа, ты с ума сошла...

– Это не я! Это Софка тебе выбирала... для оживления интимной жизни с мужем, так сказать...

– Дуры вы обе, – беззлобно огрызнулась Виктория Павловна, кидая кружевное бархатно-лилово-розовое платье обратно в коробку.

– Я-то что? Воспитаннице своей выскажи! На вот от меня подарок. – Руфина извлекла из сумки маленький замшевый мешочек и вложила в ладонь Виктории.

– Что это? – замерев от предвкушения, Виктория Павловна развязала шелковый шнурок. Двумя пальцами она вынула из мешочка матово поблескивающий медальон. – Руфи, это он? Тот, что я хотела? С королевой-лягушкой?

– Ну, да. Ты же сама в каталоге мне в него пальцем ткнула. Нашел Эмилька этого мастера, съездил, выкупил. Дел-то. – Небрежный тон Руфины никак не соответствовал довольному выражению лица.

Виктория Павловна не кинулась подруге на шею. Она пристально посмотрела ей в глаза. Помня с детства, что Руфа реагирует на любое проявление благодарности внезапной грубостью, она промолчала и в этот раз. Только став взрослой, получив второе высшее образование по специальности психолог, Вика до конца поняла ее поведение. Грубость была выражением крайнего смущения. Ее подруга действительно не понимала, за что ее благодарят – она искренне считала, что, одаривая или помогая кому-либо, она в первую очередь делает счастливой себя.

Они уже пили по второму бокалу вина...

– Помнишь, с чего начала я собирать своих жабок? – хохотнула Виктория Павловна.

– Еще бы. Ты Самохина за ту зеленую квакушу чуть не убила. Палка швабры пополам, классная – в обмороке, – рассмеялась и Руфина.

– А потом его папашка к моей матери разбираться пришел. Она как раз полы в школьном коридоре мыла. Он ей высказал, а мамуля, царство ей небесное, об него чуть вторую швабру не сломала. Как заорет на всю школу: «Нефиг девочку мою обижать!» Швабру с грязной тряпкой наперевес – и на него! Сбежал позорно мужик! Дома-то, конечно, разобралась, что к чему. Когда узнала, что из-за убитой лягушки вся канитель, мне оплеуху влепила. А знаешь, именно тогда я и поняла – у меня есть мать. Любящая. Только ей пить нельзя! Я тогда к тебе сбежала, помнишь тот вечер? У меня платье было мокрое, на улице дождь лил, я из своего окна прямо в лужу приземлилась. К тебе бежала – промерзла до костей, куртка тонкая, а свитер не успела надеть. Пришла к тебе, дрожу вся. И ты мне свою пижаму дала.

– Ну да. А тут генеральша с инспекцией. А утром милиция, – помрачнела Руфина.

– Ну, Руфа... прости, что напомнила.

– Кстати, все время забываю спросить: куда ты подевалась тем утром? Домой ушла?

– Да ты что! В кустах на площадке сидела! Видела, как ты с сумкой из подъезда вышла. Я побежала к машине, но не успела. И даже предположить не могла, что тебя сразу увезут куда-то. И навсегда!

– Меня в детскую комнату милиции доставили. Оттуда в наш детский дом. А после – в Подмоскowie. Так начался в моей жизни ад.

– Может быть, наконец расскажешь, а, Руфа? – Виктория Павловна дотронулась до руки подруги.

– Вика, нет! Ну не могу, прости. Давай за Софку выпьем! Она у нас общая все же!

– Это, конечно, так! Но мать ей по документам – ты! Давай! Пусть у нее счастье будет через край!

...Девочку привезла в детский дом родная бабка. Она открыла дверь кабинета Виктории Павловны со словами: «Заберите дите за ради бога, а то замордуют ее изверги окайнные», – протолкнула вперед себя истощенного донельзя ребенка, усадила на стул, а у ножки пристроила старый дерматиновый чемоданчик. Сама же осталась стоять, держась за спинку стула. В кабинете Виктории Павловны на минуту повисла тягостная тишина. Прервала ее Руфина, метнувшись к двери и по пути задев боком край стола. Бабка испуганно вскрикнула. Виктория Павловна успокоила и подставила ей стул.

– Документы привезли? – Она с жалостью посмотрела на пожилую женщину, готовую расплакаться.

– Да! – засуетилась та, доставая из сумки газетный сверток.

Вскоре вернулась Руфина, неся огромный поднос с едой. Софа, так звали девочку, ела аккуратно и... без жадности. Но Виктория Павловна заметила, как голодно блещат ее глаза. Бабушка все подкладывала кусочки гуляша со своей тарелки внучке, но та возвращала их обратно со словами: «Бабушка, ты сама кушай, мне хватит, тут много». Не выдержав этой сцены, что-то пробормотав невнятно, вышла из кабинета Руфина. Сама же Виктория Павловна, чтобы не смущать гостей, уткнулась в документы. За влажной пеленой, затуманившей взгляд, она так и не прочла ни строчки.

Она сумела-таки взять себя в руки, кивнув с улыбкой на дружное «спасибо» бабушки и внучки.

Разобраться в нехитром сплетении семейных обстоятельств не составило труда. Бытовое пьянство, как принято говорить, родителей Софы Коваленко привело к их полному обнищанию и деградации. Ребенок неделями жил у бабушки, где так же буйствовал и пропивал отобранные у жены пенсионные рубли дед. Кормились бабушка и внучка с огорода, а зимой – продажей на рынке припрятанных от троицы алкашей соленостей, заготовленных впрок. Сейчас же наступила весна, последняя банка была продана, и, отчаявшись, бабушка решила отвезти Софу в город в детский дом.

Процедура лишения родительских прав прошла легко – протрезвевшие на короткое время родители Софы даже не возражали против изъятия у них дочери. Бабушка была оформлена в детский дом помощницей Руфины, а Софа определена в школу. И тут же Руфина решила ее удочерить. Виктория Павловна и сама хотела взять девочку к себе, но неожиданно резко против высказался муж, чем заставил ее, Викторину, посмотреть на него как бы со стороны и удивиться: что ж ты, Мишаня, такой... недобрый?

Софа с недетской мудростью простила отца и мать, но жить у Руфины без бабушки отказалась. Лишь только придя к той в гости и поняв, что самая большая комната в квартире приготовлена для двоих, счастливо расплакалась...

– Да... ты нашла папку с личным делом Ньюши? – вроде бы равнодушно задала вопрос Руфина.

– Нет, не нашла. Пропала папочка, кому понадобилась? – насторожилась Виктория Павловна. – И нет в ней ничего интересного! Вот если бы пропало то, что храню дома в обувной коробке, я бы поняла.

Виктория Павловна специально уточнила место хранения найденных при Нюше вещей. Подозрение, что ее подруге за чем-то понадобилось все, что касается девочки, не исчезло. Ей нужно было увидеть реакцию Руфины на ее слова. Но никакой реакции не последовало.

– Вика, пойду я, поздно уже. В понедельник в область едешь? Или отменили совещание?

– Дождешься от начальства! Работать некогда, сплошные сходки. Из пустого в порожнее. Им для галочки, а у меня здесь дел полно. С Семушкиным до конца вопрос не решен. Парень как бельмо на глазу! Я тут еще подумала: если опеку над Нюшей приемный дед оформить не сможет, она же опять к нам вернется... да... что за судьба у девочки...

«Эту судьбу мы с тобой, подруга, ей организовали, – подумала Руфина, переобуваясь. – Но у меня есть шанс исправить ошибку. И я сделаю все, что в моих силах. Если успею...»

Глава 8

– Ньюш, а хорошо, что дед Саня переехал к нам. Почему только без Ланы? Разве могут муж и жена долго жить отдельно друг от друга? – спросил Кир, не выпуская телефона из рук. Большой палец двигался по экрану как отдельный механизм.

– Ты бы помолчал, а, Кир! У меня завтра тест по алгебре, тут куча вопросов, я ни бум-бум в них. Задачи еще какие-то тупые...

– Дай гляну. – Кир отбросил телефон на кровать и подошел к Ньюше.

Она молча пододвинула на край стола распечатанные на принтере листы с прошлых лет тестами для восьмиклассников их школы.

– Ну, Ньюш... это ты тупишь! Я ж тебе в прошлый раз все объяснил! Тут и тут сокращаешь, это – за скобку, тогда еще это и это уходит, остается вот и вот, складываешь, ответ «а» квадрат на «б» квадрат, вот он – под буквой «с». Капец как просто!

– А остальные? – с тоской в голосе попросила Ньюша.

– Я, конечно, могу все решить, – менторским тоном проговорил Кир. – Но тебе завтра другие задачки дадут. Что делать будешь? Я свой тест завтра сдаю! Этажом ниже!

– И не готовишься!

– А на фиг! Если я твой на раз-два.

– Умник, переходи уже к нам. Мне легче будет.

– Может, и перейду. Отец договорился, что в конце второй четверти сдам за шестой все предметы. Тогда за второе полугодие весь седьмой пройду. – Кир пожал плечами. – Ты на второй год не останься из-за алгебры! Вообще не рублишь!

Ньюша согласно кивнула. Вдруг в памяти всплыли слова, сказанные ей Марго: «Учи математику». А как ее учить? Начинать с первого класса? Она даже толком не знает, как число за скобку выносить... «Вот-вот, тут за скобку», – мысленно передразнила она Кира, злясь в первую очередь на себя.

– Давай, Ньюшка, решай. Я проверю, а то скоро мне на дыхалку ехать, – сказал Кир, заваливаясь на Ньюшину кровать и вновь хватая телефон.

Ньюша уткнулась в тесты. Разозлившись на себя, мысленно обозвав тупицей, она вдруг ощутила пришедшую за злостью ясность мысли. Уже не в первый раз с ней происходила эта метаморфоза: внезапная уверенность – если нужно решение, оно будет. Чисто интуитивно обводя кружочком ответ на каждую задачу, она не задумывалась. Пять листов тестов были «решены» за считанные минуты.

– На, проверяй! – Ньюша кинула листы Киру на кровать.

– Ну, ты даешь! От балды кружков наставила? Я даже один уровень не успел пройти, – возмутился Кир, собирая разлетевшиеся страницы.

Он бегло просмотрел задачи, надеясь обнаружить откровенную халтуру, затем внимательно стал решать одну задачу за другой. Не найдя ни одной ошибки, обиженно посмотрел на Ньюшу.

– Ну и зачем было притворяться, что ничего не понимаешь? Все решила! Быстрее меня! – Кир слез с кровати, сунул ноги в тапки, телефон в карман домашних штанов и повернулся в сторону двери. – Зачем мне врать-то?

– Кир! Не обижайся! Я правда от балды кружков наставила. – Ньюша попыталась задержать брата.

– Нет, Ньюш! Так не бывает! Ни одной ошибки! Если только... ты, что ли, знала ответы? Где они у тебя записаны? – Он вернулся к письменному столу Ньюши.

– Не было у меня никаких ответов. – Ньюша уже и не рада была своему поступку.

– Ну, тогда не знаю! Вариантов два – или врешь, что тупая, или списала ответы. – Кир опять с обидой посмотрел на нее. – Все, я пошел! Кстати, Вован уволился, больше не работает у нас. Меня дед повезет.

– Знаю. Вера Антоновна сказала. Она остается, пока нас с тобой... ну, в общем, если дед оформит опеку, мы к нему переедем. Она – не знаю, дед сам решать будет. Ну, а если... ладно, давай иди уже.

– Что, если... Ньюш, а? – испугался вдруг Кир. – Нас в детский дом, да?

– Нет, насчет себя я не исключаю. Тебя точно отдадут деду, ты родной внук, а я кто ему? Ладно, забей... и поторопись, опоздаешь. – Ньюша буквально вытолкала брата за дверь.

«Кто меня за язык тянул!» – с досадой подумала она, вновь раскладывая перед собой листы с тестами.

«А ведь по большому счету мне все равно, с кем жить. А лучше – одной. Нет, дед Саня, конечно, прикольный! Добрый, но несчастный. Жену первую любит, с Ланой живет. А Лана... Странная какая-то. Молчит все время, только с Марго общалась, они все время секретничали. Интересно, что между ними общего? Лана – пианистка, Марго – художница. Кстати, а картины Марго? Кому они теперь достанутся? Вот бы посмотреть на них еще раз!» Ньюша мысленно перенеслась в мастерскую приемной матери. Стараясь вспомнить каждый рисунок, Ньюша поняла, что они все слились в ее памяти в одно большое разноцветное полотно. Острое желание сейчас же поехать в мастерскую не давало ей сосредоточиться на ненавистной алгебре.

Ньюша быстро встала, переоделась в джинсы, свитер, покидала в рюкзачок телефон, футляр с очками и свою связку ключей от квартиры. Зайдя в спальню приемных родителей, подошла к секретеру. Открыть ящичек, где, как она знала, лежат ключи от мастерской, для нее не составило труда. Ключи были на месте. Спускаясь, она старалась не шуметь. Ей никак не нужны были расспросы Веры Антоновны, которая готовила ужин на кухне. Тихо натянув куртку, переобувшись в кроссовки, Ньюша открыла входную дверь...

Она сразу заметила, что не так в мастерской. Вспомнив, что картины Марго были представлены на мольбертах вдоль всей полукруглой стены, удивилась, обнаружив их сложенными кучкой на полу. Ньюша взяла верхнюю раму, перевернула и ахнула. Два места были грубо закрашены черной краской. Ньюша поставила рисунок на мольберт и взяла следующий. Такое же пятно чернело прямо посередине. Ньюша смахнула выступившие на глазах слезы, ставя последнюю, двенадцатую картину на предназначенное ей когда-то место. Все рисунки Марго были кем-то испорчены. Ньюша отошла подальше от импровизированной выставки, охватив взглядом всю ее целиком. Пятна были в разных местах, никакой логики в их расположении она не увидела. Ньюша подошла к столу, на котором, как и в прошлый раз, царил беспорядок. Взгляд упал на медицинский скальпель. Осторожно, стараясь не повредить полотно, соскребла немного черной краски с одной из картин. Потом решила попробовать снять ее всю. Наконец остался лишь тонкий серый слой. Ньюша подняла рисунок, поднесла его к яркой лампе и посмотрела на пятно. Под полупрозрачным слоем оставшейся краски виднелись цифры 101018. «Один ноль, один ноль, один восемь» – что-то смутно знакомое показалось ей в этом наборе цифр. Ньюша тем же скальпелем отогнула скобки, которыми рисунок был прикреплен к раме. Свернув его в трубочку, она обернула его листом бумаги из стопки на столе, закрепила канцелярской резинкой и сунула в рюкзак. Решив, что дома спокойно рассмотрит всю картину в подробностях, выключила свет и вышла на лестничную площадку. Захлопнув дверь мастерской Марго, Ньюша вдруг замерла. Она поняла, что означают эти цифры! Задохнувшись от возникшей внезапно догадки, в бессилии прислонилась к стене. «101018. Десятое, десятого, восемнадцатого года. Десятого октября произошла авария. Марго написала на картине дату своей смерти! Но зачем она ее замазала?» Ньюша вдруг испугалась еще больше, поняв, почему «испорчены» и другие рисунки. «Картин двенадцать. Кто же следующий? И когда?» Она решила, что должна сейчас же восстановить цифры и на других полотнах. Сунув руку в

рюкзак в поисках ключа, вдруг поняла: они остались лежать внутри помещения на столе. Дверь мастерской закрывалась на автоматический замок.

Глава 9

Аркадия Львовна открыла глаза. И вновь белый потолок палаты госпиталя. А на стуле рядом с ее кроватью сидит Карл и что-то бормочет. Аркадия Львовна прислушалась.

– Зайка, хорошо не инсульт, и вовремя госпитализировали! Я вот сразу, как позвонили, кое-как доковылял до тебя! Два квартала от дома! С моей-то ногой!

Он еще долго жаловался ей, неподвижно лежащей на больничной койке, что кость плохо срастается, что сын пришел всего раз, а невестка совсем обнаглела, даже не берет трубку телефона, когда звонит он, Карл (говорил сыну, не бери в жены деревенскую девку, хоть и немку в десятом поколении!). Она слушала нытье старого друга, а думала о своем. Прекрасно понимая, что все эти рассказы о несчастной семейной доле Карла ничего более чем попытка отвлечь ее от собственных горьких мыслей, жалела лишь об одном – не может оборвать этот «лечебный» монолог психотерапевта. Попытка сказать хоть слово выливалась в утробное мычание и злость на себя. Но голова работала, и она помнила все, что произошло до того, как случился приступ.

«Госпиталь теперь мой дом, тут и концы отдам под бормотание Карлуши. Кому еще я теперь нужна», – невесело подумала Аркадия Львовна.

– Зайка, ну не плачь, родная, – заерзал на стуле Карл. Он потянулся к спинке кровати, достал полотенце. Неловко вытерев потеки слез на ее щеках, кинул кусок «вафельной» материи на тумбочку.

«Черт, я даже не чувствую сырость на своей физиономии», – опять зло подумала Аркадия Львовна, невольно делая попытку высказать эту мысль вслух. Но по раздавшемуся вновь беспомощному мычанию поняла – попытка не удалась.

– Ну-ну, зайка, не волнуйся. Мы с тобой позанимаемся, ручки-ножки помассируем, укольчики и системки поставим, быстренько поправишься!

Нарочито бодренький тон друга уже бесил Аркадию Львовну.

– Аркашенька, я сейчас пойду, хорошо? Ты отдыхай. Я сестру позову. А мне домой доковылять еще нужно. Нога, будь она неладна, болит и болит, – вновь занял Карл, вставая со стула. Опираясь на костыли, он шагнул в сторону двери.

«Старая развалина, – почти с ненавистью подумала Аркадия Львовна, опять глядя в потолок. – Впрочем, такая же старая, как и я!»

Глаза закрылись сами собой, и она задремала. Дверь палаты несколько раз скрипнула, видимо, впуская и выпуская медсестру, но Аркадия Львовна услышала этот звук отдаленно, как сквозь толстое стекло, все больше погружаясь в смутно тревожный сон-воспоминание...

...Карл Брехт, ее ровесник, сын соседей по коммуналке, где Аркадия Гринберг жила с родителями, заботился о ней всегда, сколько она помнила себя и его. То есть с ясельной группы детского сада. Он первым научился завязывать шнурки на ботинках и пристегивать хлопчатобумажные чулки к лифчику. Быстро справлялся сам и затем помогал не такой ловкой и упорной Аркаше. Их родители по очереди сидели с детьми, отпуская другую пару в театр или ресторан. Мирное, даже семейное их сосуществование в коммуналке продолжалось вплоть до окончания детьми школы. Карл легко поступил в медицинский со всеобщего одобрения клана Брехтов. Аркадия же после выпускного устроила бунт. Стать, как мать, преподавателем истории или, как отец, – инженером, не пожелала. После дикой ссоры, первой на памяти двух семейств, она ушла жить к бабушке, решив в этом году не подавать документы ни в один из вузов. В аттестате имелась одна четверка – по химии, заработанная скорее строптивостью характера, чем недостатком знаний. Но как раз эти битвы с химичкой, явная несправедливость отношения к ней, Аркадии, и подтолкнули ее к выбору будущей профессии. Аркадия Львовна решила стать адвокатом, дабы с блеском и никак иначе защищать обиженных.

Через год, отработав по протекции бабушки в канцелярии райсуда, она поступила в университет на юридический факультет. Уже проходя практику, Аркадия поняла главную свою ошибку – по-настоящему несправедливо обиженных подзащитных было мало. Адвокаты, увы, получали зарплату за то, что помогали преступникам по максимуму уйти от наказания за содеянное. Конечно, поумнев таким образом к третьему курсу, Аркадия не собиралась бросать учебу. Пришло решение сменить ориентацию и стать следователем, ну или судьей, чтобы разоблачать и сажать! Эмоционально страстно описывая свою будущую службу Карлу, она не заметила, с каким испугом смотрит на нее давно определившийся с выбором студент-медик. Психиатрией он увлекся еще на первом курсе, подробно изучая труды великих врачей прошлого и современности. Определив в подруге все признаки шизофрении, он попытался остановить ее, успокоить, отвлечь, но безуспешно. Аркадия, все больше распаляясь, перешла на междометия и, зло сжимая кулаки, грозила пересажать и поубивать полгорода. Тогда он решился на радикальные меры. Потянув скатерть за край, он уронил хрустальную вазу на пол. Неожиданный звук разбившегося стекла вернул Аркадию в действительность. Она с удивлением посмотрела на Карла, затем на свои, сжатые до боли в кулак, пальцы. «Ты что такой неосторожный, Карл! – произнесла она спокойно. – Бабушкина любимая ваза». Она глубоко вздохнула и вышла из комнаты. Карл быстро выбежал в коридор, по пути крикнув в глубину квартиры: «Я ушел», – оделся и захлопнул за собой входную дверь. Он спешил к профессору, решив срочно проконсультироваться по поводу поведения подруги. Выслушав его рекомендации, Карл опешил. «Пусть оканчивает институт и идет служить в милицию. Столкнувшись с рутинной работой, успокоится – романтики в этом нет никакой. Через год-другой найдет себе среди сослуживцев мужа, нарожает детей и оседет дома, – посоветовал он и дал Карлу лист бумаги. – Лучше давайте-ка обсудим тему вашего доклада на студенческой конференции, молодой человек. Я решил, что в Москву поедете именно вы!»

Карл уезжал на три дня, а получилось, вернулся домой лишь через пять лет. С женой и сыном. К этому времени коммуналку расселили, их с Аркадией родители разъехались по отдельным квартирам в разные районы города. Гринберг-старший ушел от жены, Аркадия, поработав два года в милиции, действительно вышла замуж за сослуживца Яна Улицкого и родила дочь.

Они встретились случайно, в магазинной очереди, узнав друг друга по голосам. Аркадия громко выговаривала продавцу за наглый обвес, тыча перепуганной тетке в нос служебным удостоверением. Карл, стоявший почти в конце протянувшейся вдоль ряда прилавков людской толпы, услышав знакомый властный выговор подруги детства, подошел к ней сзади и тихо сказал: «Зайка, успокойся». Она вмиг потеряла интерес к близкой к обмороку продавщице, взяла с весов кусок докторской, завернула его в бумагу и сунула в сумку. Развернувшись на голос, она уткнулась огромным животом прямо Карлу в грудь – ростом его она превосходила на целую голову, что, однако, никогда не смущало ни того, ни другого. Карл осторожно вывел ее из магазина, усадил в такси и, узнав ее адрес, велел водителю везти их к ней домой.

Они долго рассказывали друг другу подробности своей жизни, запивая кефиром вареную картошку и паровые котлеты.

– А почему ты тогда сбежал от меня, Карл? – вдруг спросила Аркадия.

– Когда? – попытался он сделать вид, что не понимает, о чем речь.

– Когда вазу бабушкину разбил, помнишь? – Аркадия насмешливо смотрела на него.

– А-а... мне к профессору нужно было, боялся опоздать, – злясь, что не сумел скрыть свою растерянность, ответил Карл.

– Ну, да... я так и поняла. Мне потом и профессор это подтвердил, – откровенно усмехнулась она.

– Что он еще тебе сказал? – смущаясь окончательно, отвел он взгляд.

Ответить она не успела, поскольку сняла трубку затрезвонившего телефона. Молча выслушав собеседника, Аркадия застыла, как изваяние, и медленно положила трубку на стол рядом с аппаратом. Из нее доносился взволнованный мужской голос.

– Карлуша, я рожаю, – глядя на него, четко выговорила она и посмотрела вниз. Карл схватил телефонную трубку, сбросил последний звонок и набрал «ноль три».

Аркадия родила семимесячную девочку, будучи уже вдовой – в этот день Яна Улицкого во время задержания застрелил преступник. В лице Карла Брехта она вновь обрела друга, так и не простив ему постыдного бегства пять лет назад. Тот же, чувствуя вновь возникшую ответственность за Аркадию и ее дочек, почти все свободное от работы в клинике время проводил с ними. Его жена, которой надоели и этот провинциальный город, и постоянное отсутствие мужа, и невзлюбившая ее свекровь, и всегда подвыпивший свекор, вскоре отбыла под отчее крыло в столицу. Сына забрала с собой, посчитав Карла отцом никудышным и бесполезным. Развод был решением обоюдным и прошел без скандалов и дележа имущества. Карл почти жил в квартире Аркадии, помогая с болезненной малышкой и неуправляемой старшей дочерью – Марго дико ревновала мать к новорожденной сестре. Карла она воспринимала скорее как приходящую няньку, чем как друга матери. Капризы девочки доводили Аркадию до истерик, она ставила ее в угол, шлепала по мягкому месту, лишала любимых игрушек, но Марго упорно пыталась перетянуть внимание матери на себя. Лишь принесенные Карлом раскраски и коробка карандашей на сорок восемь цветов на время давали Аркадии передышку. Несмотря на этот дурдом, Карл периодически пытался делать подруге предложение руки и сердца, но непременно получал отказ.

– Рука твоя и так мне в помощь, а сердце оставь себе – подарок для меня бесполезный, не оценю! – сказала она ему как-то в ответ.

Через год Аркадия решила выйти на работу, которую ей предложила скучавшая в одиночестве в своей квартире матушка. Поселившись у дочери, она полностью освободила ту от домашних хлопот. Воспитывая внушек по ею же разработанной системе, развивала в них именно те способности, какие Карл выявил при помощи тестов. Марго ходила в художественную школу, Мила – на танцы. С учебой проблем не было, обе были отличницами, мотивируя себя каждая по-своему. Мила, обладая добрым и покладистым характером, не хотела огорчать бабушку, но у Марго были совсем другие причины. Ей хотелось быть лучшей среди одноклассников и друзей по художественной школе, но особенно – превосходить сестру. В учебе это удалось вполне – Милочка, всерьез увлекшись танцами, как-то поостыла к школьным занятиям, особенно к наукам точным и ей непонятным. Уже против ее фамилии клеточки в классном журнале занимали стройные ряды четверок, бабушка забеспокоилась о ее будущем, предпринимая попытки нанять репетиторов, но Милочка решительно отказалась тратить время на дополнительные занятия по ненужным ей предметам. Карл, присутствующий в жизни девочек даже чаще их матери, посоветовал несостоявшейся своей теще смириться и не давить на ребенка – в пубертате ничего, кроме агрессии, в ответ не получишь. Марго же решительно шла на золотую медаль, радуя руководство школы и бабушку.

Чувство превосходства над сестрой сделало ее если не доброй, то снисходительной. Решая за Милу задачи по физике или алгебре, Марго не предпринимала ни малейшей попытки объяснить не понятую в классе сестрой тему. Сунув ей листок с выполненными заданиями, она бросала фразу «Разбирайся сама» – и уходила. Милочка же просто переписывала решение к себе в тетрадь. Жили они в одной комнате, перегородженной трехстворчатым шкафом, вполне мирно. Вплоть до выпускного бала Марго...

Аркадия Львовна крепко заснула. Снотворное, собственно, ей никогда раньше не требовалось. Она с детства могла заснуть в любом месте и в самой неудобной позе. Сон был ее спасением...

Глава 10

Нюша зачем-то подергала дверную ручку студии, стукнула ногой в порог и лишь после этого шагнула к лифту. Крепко прижав к себе рюкзак, словно опасаясь, что кто-то может его отнять, свободной рукой нажала кнопку вызова кабины. Трезво оценить ситуацию не получалось. Она лихорадочно соображала, кому можно доверить такую неожиданную информацию и, самое главное, где взять еще один ключ от мастерской. Уже в маршрутке пришло единственно верное решение – Лана. То, что та не раз была у Марго в студии, Нюша не сомневалась. А значит, видела и картины. «Начну с ключа. Спрошу, не давала ли ей Марго запасной, – подумала она, вспомнив, как Марго однажды просила Лану отвезти что-то в мастерскую. – А там уж как разговор пойдет!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.